

ДМИТРИЙ САФОНОВ

БИБЛИОТЕКА

Дмитрий Сафонов

Библиотека

«Сафонов Дмитрий Геннадьевич»

Сафонов Д. Г.

Библиотека / Д. Г. Сафонов — «Сафонов Дмитрий Геннадьевич»,

«Пинт не понимал, почему его так тревожит этот сон, повторяющийся во всех деталях с пугающим постоянством. Что заставляло его просыпаться? Что было страшного в этой картинке без начала и конца? Почему ему не давали покоя эти несколько страниц, словно вырванных из романа Вальтера Скотта? Разве его волновала судьба отступника? Разве он не знал, что это — последний рассвет в жизни неизвестного рыцаря? Разве не знал, что дерзкий хулигатель Всевышнего не доживет до заката? Нет, его совершенно не трогала участь бывшего крестоносца. Просто этот сон тревожил его, вот и все. Прошло пять лет с того дня, как Пинт покинул Горную Долину. Целых пять лет. Сколько ни старался, он так и не смог найти ни Тамбовцева, ни мать и сына Баженовых, он не увидел больше Лену Воронцову и никогда не вернулся в этот маленький город, отмеченный проклятием...»

© Сафонов Д. Г.

© Сафонов Дмитрий Геннадьевич

Содержание

Предисловие автора	5
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Дмитрий Сафонов

Библиотека

Предисловие автора

Уважаемый читатель!

Мы с Вами уже знакомы: я тот самый тип, что написал "Радио Судьбы", "Башню" и "Шериф".

Не скрою, что писал эти вещи с удовольствием, надеясь доставить не меньшее удовольствие и Вам. Насчет последней упомянутой книжки мне хотелось бы высказаться особо.

Я сознаю и каюсь, что по прочтении она оставляет больше вопросов, нежели ответов. Что за ТЕТРАДЬ? Откуда она взялась? Что хотят сказать эти загадочные значки, похожие на фантастических насекомых?

Может быть, Вы считаете, что это нечестно с моей стороны – оставлять неразрешенные вопросы. Пусть так. Приношу свои извинения. Желая оправдаться, скажу – я и сам не знаю. Но, поверьте, ответы обязательно найдутся; иначе и быть не может – они заключены в самом тексте.

Просто мне надо маленько присмотреться и понять, в чем они состоят. И когда я их увижу, первым, кто узнает об этом, станете Вы!

Предлагаю Вашему вниманию продолжение "Шерифа" – "Библиотеку". Действие происходит спустя пять лет после событий, описанных в "Шерифе". Читайте!

Не судите строго: у меня нет ни плана, ни сюжета, ни идеи. Я сам не знаю, чем все это закончится. Я просто пишу.

Но не так ли и сама жизнь разрушает все наши самым тщательным образом продуманные планы? И если в жизни есть какая-нибудь идея (кроме одной – просто жить), окажите любезность, поделитесь своими соображениями со мной. Буду Вам очень благодарен!

А пока – Игра продолжается; ибо литература есть Игра, быть может, самая древняя, самая непредсказуемая и самая увлекательная.

Не смею дольше занимать Ваше внимание. Позвольте откланяться.

С уважением. Дмитрий Сафонов.

Оскар Пинт проснулся затемно, еще задолго до рассвета.

Он отбросил легкое одеяло и вскочил с постели: на дворе стояла середина июля, и за день квартира прогрелась, как духовка под рождество – в такой жаре Оскар чувствовал себя жирным жертвенным гусем. Он вытер пот, крупными каплями выступивший на лбу и верхней губе, огляделся, протянул руку к тумбочке, стоявшей рядом с кроватью, и нащупал сигареты.

Только после того, как он закурил и сделал несколько глубоких затяжек, ему удалось немного успокоиться.

Последние две недели он почти не спал. Один и тот же сон преследовал его. Стоило Пинту закрыть глаза и опустить голову на подушку (на стол, на руки, прислониться к стене, – все равно), как он видел одну и ту же картину.

* * *

Рыцарь, укрывшийся в горной расщелине. Он медленно продирает глаза и с удивлением смотрит на кроваво-красный диск солнца, встающий над горизонтом. Рыцарь этот худ и бледен; давно не мытое лицо заросло густой щетиной, вокруг рта запеклась кровь. Старый доспех не блестит в первых лучах; он покрыт глубокими царапинами и трещинами. Рыцарь отбра-

сывает бывший некогда белым потрепанный плащ и вскакивает на ноги. Зрачки его постепенно расширяются от ужаса: он видит, что долина, зажата между двух почти одинаковых гор, покрыта девственно-чистой скатертью снега. Он стоит, потрясенный, не в силах пошевелиться, затем поднимает голову к небу и, вздымая худые руки, извергает страшные проклятия. Но Тот, кому они адресованы, безмолвен и глух; он бесстрастно взирает на Землю и то, что творится на ней. Он ждет. И тогда рыцарь достает меч из широких ножен и пробует пальцем иззубренное лезвие. На мече ржавыми пятнами запеклась кровь его верного коня. Конь не мог сделать ни шагу; вчера он упал на горной тропе и больше не поднялся. Тогда рыцарь перерезал коню глотку, и верный друг оказал ему последнюю услугу: напоил и подкрепил хозяина своей густой темной кровью.

А сейчас рыцарь смотрит на выпавший снег и понимает, что эта жертва оказалась напрасной. Он снова раздражается потоком богохульственных проклятий. Не переставая ругаться, он садится рядом с большим камнем и начинает править на нем свой меч. Он правит лезвием и проверяет его остроту. Наконец он вкладывает меч в ножны и достает арбалет с расщепленным ложсем. Он пересчитывает стрелы; их осталось всего четыре. Рыцарь меняет истерящую тетиву на новую, проверяет ее упругость. Затем он вскакивает, топает ногами и туго затягивает пояс: голод последних дней высушил его живот, совсем прилипший к позвоночнику, а ножны болтаются и бьют по бедру.

Затянув пояс, он привязывает ножны к ноге сыромятным шнурком, сдвигает колчан со стрелами для арбалета за спину, поправляет кинжал, висящий справа. Он готов. Он наклоняется и берет снег в горсть. Он жадно запихивает снег в рот и вдруг начинает смеяться: бешено и громко, как смеются скорбные разумом. Но глаза его горят неукротимой злобой. Он хватается за старый плащ и в ярости срывает нашитый алый крест, бормоча что-то под нос. Затем топчет крест ногами и с вызовом смотрит в небо. "Ну что? Неужели ты до сих пор думаешь, что сможешь найти для меня подходящую кару? Ту, которая могла бы сломить благородного кавалера? Неужели ты настолько глуп, что льстишь себя тщетной надеждой заставить меня смириться? Опустишься на колени? Черта с два! Я совершил немало славных дел во Имя Твое. Но в последний бой я иду с другим именем на устах. И ты больше не услышишь от меня ничего: ни просьбы о пощаде, ни молитвы, ни слов раскаяния. Прощай! Оставься один в своем безмолвном сверкающем чертоге; слепая вера – удел глупцов. А я ухожу нераскаянным и свободным".

Он накидывает плащ на широкие худые плечи, завязывает на шее шелковые шнурки, подтягивает тяжелые сапоги из оленьей кожи и начинает спускаться в долину.

Он идет по тропе, прыгает с камня на камень, не таясь. Он распевает старую тамплиерскую песню, и свежий морозный воздух звенит от веселой похабицины. Он идет налегке, оставив на месте последнего ночлега кусок черствого хлеба, трут и кресало, потому что знает, что ему больше не потребуются ни еда, ни огонь...

Отныне он ПРОКЛЯТ. И еще – ИЗБРАН.

И то, и другое тяжелой ношей лежит на его широких худых плечах, тянет к земле, но в сердце рыцаря нет ни страха, ни жалости...

Алый крест, сорванный с плаща, лежит, втоптаный в грязный снег, но рыцарь несет другой, более тяжкий крест. И знает, что должен донести его до конца...

* * *

Пинт не понимал, почему его так тревожит этот сон, повторяющийся во всех деталях с пугающим постоянством. Что заставляло его просыпаться? Что было страшного в этой картинке без начала и конца? Почему ему не давали покоя эти несколько страниц, словно вырванных из романа Вальтера Скотта?

Разве его волновала судьба отступника? Разве он не знал, что это – последний рассвет в жизни неизвестного рыцаря? Разве не знал, что дерзкий хулигатель Всевышнего не доживет до заката?

Нет, его совершенно не трогала участь бывшего крестоносца. Просто этот сон тревожил его, вот и все.

Прошло пять лет с того дня, как Пинт покинул Горную Долину. Целых пять лет. Сколько ни старался, он так и не смог найти ни Тамбовцева, ни мать и сына Баженовых, он не увидел больше Лену Воронцову и никогда не вернулся в этот маленький город, отмеченный проклятием.

Сначала он думал, что гибель целого городка не может пройти незамеченной. Вернувшись в Александрийск, он каждое утро бежал к киоску и жадно прочитывал все газеты: от корки до корки. Но нигде не было даже упоминания о Горной Долине и постигшей ее судьбе.

Год спустя, так и не дождавшись никакого отклика, Пинт набрался смелости и приехал в Ковель. Но на все его вопросы: "Как мне добраться в Горную Долину?" люди только пожимали плечами и старались поскорее уйти. С автовокзала не ходил ни один автобус в том направлении. Он вошел в здание и долго искал на схеме знакомое название. В одном месте схема была тщательно замазана свежей белой краской, но, может быть, замазывали трещину? Он не знал.

Тогда он попытался добраться в погибший городок самостоятельно: договорился с частником, но тот, лишь услышав пункт назначения, покачал головой: "Не знаю. Не поеду".

Город словно стерли с лица земли. И не только с лица земли: будто кто-то старался стереть его из памяти.

Пинт ни с чем вернулся в Александрийск. Он бы и сам давно уже забыл, что случилось в ТОМ августе; вычеркнул из памяти, разодрал в клочья пугающие воспоминания, но не мог. Из-за тетради.

С ним всегда была черная тетрадь в кожаном переплете, скрепленном черным кожаным шнурком. Он берег сверток, как зеницу ока. Потому что (пусть не по своей воле) отныне стал КНИЖНИКОМ, и эта тетрадь несла в себе какую-то страшную тайну, которую он должен был сохранить и передать. Какую – Пинт не знал; он боялся развернуть сверток. Боялся заглянуть на голубоватые страницы и увидеть россыпь непонятных значков, похожих на птичьи следы, оставленные на снегу.

Он сильно изменился за последние пять лет. Виски его покрыла седина, которая была бы еще заметнее, будь Пинт брюнетом. Но на фоне светлых рыжеватых волос седина не так бросалась в глаза. Лицо избородили морщины, и он выглядел значительно старше своих тридцати пяти. Но самое страшное – Пинт больше не чувствовал того огонька, который мерцает в каждой живой душе. Оскар будто выгорел изнутри. Жизнь его остановилась – и вместе с тем она продолжала стремительно лететь. Он и не заметил, как прошли эти пять лет; канули в пустоту. И, сколько он ни пытался вспомнить, чем занимался все это время, чего добился и в чем преуспел, не мог вспомнить ничего. Пустота. Черная пугающая пустота гналась за ним по пятам и пожирала каждый прожитый день. Возможно, это было не так уж и плохо – потому что прошлое его было полно кошмаров.

Он спал, будто умирал: проваливался в забытье до назначенного часа и никогда не видел снов. Ни одного – за все пять лет. И когда две недели назад к нему впервые явился неизвестный рыцарь, Пинт ощутил сильное беспокойство. На следующий день сон повторился. Потом – еще и еще. Тогда он подумал, что это неспроста. Что это – еще один ЗНАК, который он пока не может разгадать. И спросить ему было не у кого: толкователи ЗНАКОВ как-то незаметно повывелись в наше рациональное время.

Неделю назад он даже пробовал сходить к "великому магу и экстрасенсу Демьяну". Рекламное объявление в газете утверждало, что Демьян может все – заглядывать в прошлое

и предсказывать будущее, менять карму и снимать порчу, поправлять здоровье и возвращать неверных супругов.

Демьян, толстый мужик с рыжей бородой, напоминавшей ржавую совковую лопату, хитро прищурился, посмотрел на Оскара и выдал, что посетитель страдает от неразделенной любви, что висит на нем сглаз, и красуется на челе венец безбрачия. Он предлагал избавить Пинта от напастей по частям или сразу – оптом, что обошлось бы значительно дешевле. Пинт отказался, но за консультацию все равно пришлось заплатить.

Возвращаясь от "великого мага" домой, Пинт отчаянно ругался – прежде всего на свою глупость и доверчивость. Он уже понял, что никто не поможет ему. Он предоставил жизни идти своим чередом и приготовился к самому худшему.

И все же, когда он видел рыцаря, правящего свой меч на огромном камне, Пинт приходил в ужас и через несколько мгновений просыпался.

Его терзали предчувствия. Он знал, что вскоре что-то должно произойти.

* * *

Марина Дроздова возвращалась с экзамена, от радости не чувствуя под собой ног. Казалось, все ее тело стало легким и гибким. Она и не думала, что экзамен окажется таким простым: пять обычных задач, чья сложность возрастала в зависимости от порядкового номера, и последняя, необязательная. По стереометрии. Пять первых задач она решила быстро, даже не задумываясь: ее сдерживала только скорость, с которой она водила ручкой по листку бумаги со штемпелем в правом верхнем углу – "Александрийский государственный университет". Шестая задача была повышенной сложности: хитрые преподаватели сразу хотели отсеять умных среди умных; так было бы легче набирать студентов в группы.

Марина и раньше слышала о существовании так называемых элитных групп, но совершенно не рассчитывала попасть в одну из них. В конце концов, это неважно – в какую группу попадешь. Сначала нужно поступить. Поступление в университет – вот первостепенная цель, а там уж видно будет. Она не любила загадывать, да это и бессмысленно – по крайней мере, для математика. Надо ставить перед собой конкретные задачи и решать их по порядку: по степени возрастания сложности.

Заковыристая задачка по стереометрии тоже оказалась не такой уж трудной: Марина с ходу решила и ее, а потом, в порыве внезапного вдохновения, предложила еще пять вариантов ответа. Она дописывала пятый, самый пространственный и неожиданный, когда седой лысоватый старик, сидевший в комиссии на председательском месте, объявил, что время экзамена истекло, и пора сдавать работы. К Марине подошел молодой человек – то ли преподаватель, то ли аспирант – и нетерпеливо протянул худую желтоватую руку.

– Сейчас, сейчас, – отмахнулась Марина. – Еще немного!

Но молодой человек строго сказал:

– Сдавайте работу, или мы не будем ее проверять, – и она со вздохом подчинилась.

В тот самый момент, когда желтая рука взяла ее листки и стала их пересчитывать, Марину осенило.

– Я знаю еще одно решение! – громко, на весь зал, воскликнула она.

Она сама не понимала, что ею двигало: но уж никак не тщеславие и не жажда сиюминутного триумфа. Просто любовь к логике и неколебимой математической истине. Марина сорвалась со своего места, нечаянно толкнув то ли преподавателя, то ли аспиранта, и устремилась к доске, перед которой восседала комиссия. Доска и кусок мела – вот и все, что требовалось ей в эту минуту.

Седой лысоватый старик – как потом оказалось, это был сам академик Кудрявцев, чей учебник по матанализу для высшей школы она прочитала еще в двенадцать лет и нашла недо-

пустимо скучным – благообразно улыбаясь, встал, подвинул стул и пропустил бойкую юную красавицу к доске.

– Есть еще один способ: самый простой, – повторила Марина, обращаясь к Кудрявцеву. Она жалела только об одном: что не могла сейчас закурить. Ужасная привычка прицепилась к ней в четырнадцать. Марина ничего не могла с этим поделать: если она видела перед собой интересную и трудную задачу, то вставляла в уголки рта две крепкие сигареты без фильтра и отчаянно дымила, глубоко затягиваясь. Когда она играла в шахматы, то хватало и одной. Одну можно было держать в руке, но две она так и выкуривала, не вынимая изо рта, щурясь от едкого табачного дыма и непременно обжигая уголки губ, отчего все думали, что у нее – постоянные "простуды".

Марина пожевала губами и поморщилась: со стороны это выглядело, как нервный тик. Ее поведение несколько не удивило присутствующих математиков; видимо, они сами были людьми со странностями.

Девушка размашистыми движениями начертила на доске шар и вписанный в него тетраэдр: таким было условие задачи.

– В своей работе я предложила шесть вариантов решений: одно – традиционное, и пять... – Марина покачала головой, давая понять, что остальные пять для нее тоже выглядят достаточно традиционно, но вот для приемной комиссии... – В общем, полная ерунда. Есть седьмое – самое изящное и быстрое решение. Надо просто добавить еще одно измерение, и тогда... – мел в ее руках то вгрызался в грифельную доску, крошась белой пылью, то стучал отрывистыми точками, то чирикал, как бритва в руках виртуозного брадобрея. – Вот и все! – закончила она.

Кудрявцев, подслеповато щурясь, достал из внутреннего кармана футляр для очков и неожиданно извлек оттуда старомодное пенсне в золотой оправе. Тонкая дужка оседлала его красный мясистый нос, похожий на клюв попугая, и стекла заиграли лукавыми искорками.

– Прелестно, – бормотал он. – Это мы, значит... Ага! Понял, понял... А вот тут... Как-то неубедительно... Впрочем... Нет, нет, извините. Эта гипотенуза снимает все вопросы. Вы абсолютно правы, дорогая, – он снял пенсне и принялся тереть его красным клетчатым платком.

Лекционный зал, где проходил экзамен, все еще был полон народу: изумленные абитуриенты никак не хотели расходиться, наслаждаясь бесплатным зрелищем.

– И что же вы, мадемуазель... Пardon, как вас зовут? – Марина уже собралась было ответить, но то ли преподаватель, то ли аспирант, словно предчувствуя этот вопрос, заглянул на титульный лист ее работы и быстро сказал. – Марина Дроздова.

– И что же вы, дорогая Марина, от нас хотите? – он показал на стул рядом с собой. Марина увидела резной набалдашник трости, прислоненной к столу, и сразу все поняла: Кудрявцеву было трудно стоять – старость, вполне извинительная причина – но сидеть в присутствии дамы он не мог. Марина поблагодарила и села рядом со стариком.

– Да... – повторил Кудрявцев. – Так вы что же, дитя мое? Поступаете на первый курс? Я бы с удовольствием взял вас сразу ассистентом. А то, может, и доцентом, – он развел старческими, в коричневых пятнышках на сморщенной коже, руками. – Но, увы, это не в моих силах.

Он, не глядя, протянул руку. Такие царственные жесты Марина видела только в кино; и то, если там играл Иннокентий Смоктуновский. Почему-то больше ни у кого царственные жесты не получались так естественно и правдоподобно. Только у Смоктуновского да еще, пожалуй, у Кудрявцева.

Молодой то ли преподаватель, то ли аспирант с грохотом рванулся вперед и протянул Кудрявцеву Маринину работу еще до того, как академик успел нетерпеливо щелкнуть узловатыми от подагры пальцами. Марина с трудом подавила улыбку: ей казалось, еще мгновение, и Кудрявцев небрежно щелкнет пальцами, а потом – таким же царственным жестом – отправит

нерасторопного слугу на конюшню, где его хорошенько выпорют. Но обладатель желтоватых рук проявил сноровку и подоспел вовремя. Порка откладывалась.

– Позвольте представиться, – церемонно сказал Кудрявцев и привстал. – Владимир Яковлевич Кудрявцев. Заведующий кафедрой высшей математики, и прочая, и прочая, и прочая. Не вижу смысла перечислять все регалии – это проявление суетности и тщеславия. Поверьте, академики такие же люди, как и остальные. – Он достал из кармана ручку с золотым пером, и Марина смогла убедиться в правоте его слов: скрюченные болезнью пальцы слушались академика не лучше, чем руки какого-нибудь забулдыги, страдающего похмельем. Кудрявцев вывел корявыми дрожащими буквами: "Превосходно", поставил три восклицательных знака и улыбнулся. – Ну вот, – сказал он, обернувшись к коллегам. – Одну работу я уже проверил. – Женщина лет сорока, с плохими зубами и запущенной фигурой, по виду – типичная старая дева; двое помятых мужчин с невзрачными физиономиями; высокий тощий очкарик да этот – то ли преподаватель, то ли аспирант, – подобострастно захихикали.

– Как у вас с остальными предметами, дитя мое? – сказал Кудрявцев.

– Я – медалистка. Сдаю только профилирующий.

– Уже сдали, – поправил Марину академик. – Стало быть, поздравляю с зачислением. Вы все-таки поразмыслите, не хотите ли остаться на кафедре. Аспирантура и все такое. Хотя мне думается, что аспирантуры не потребуется. Наверняка ваш диплом зачтут, как кандидатскую. Есть у меня такое предчувствие.

Он оглянулся на коллег, ища согласия. Старая дева поджала губы и закивала. Помятые мужчины сделали вид "все может быть", а очкарик снял очки и сунул дужку в рот, скорбно нахмурившись. Казалось, он вспоминал таблицу умножения: "пятью пять – двадцать пять, шестью шесть – тридцать шесть..." и застрял где-то на "семью семь – сорок семь".

– Ну что же? – сказал Кудрявцев. – Отдыхайте. До встречи в сентябре.

Марина вскочила со стула и присела в игривом книксене.

– Спасибо.

– Вы прелесть, деточка! – умилился Кудрявцев. – Идите, идите, не теряйте времени понапрасну. Покоряйте пространство, но не забывайте про время, ибо оно – самая странная и коварная материя из всех, с которыми человеку приходится иметь дело. Я даже иногда думаю, что математика – единственная наука, не берущая его в расчет. Так сказать, математика – бегство от времени, хотя на моем красноречивом примере вы можете убедиться, что от него не убежишь и не спрячешься. Отдыхайте, Марина Дроздова!

Кудрявцев повернулся к желторукому то ли преподавателю, то ли аспиранту, и голос его стал сухим и скрипучим, словно из него выдавили весь сироп:

– Николай Павлович! Не сочтите за труд, поставьте оценку в экзаменационную ведомость: что-то руки совсем не слушаются.

Удивленные абитуриенты стали медленно расходиться. На их глазах свершилось чудо: математическая Золушка стала прекрасной принцессой. А ведь такое бывает не каждый день: куда как чаще ленивцы и бездельники, одержимые слепой верой в счастливый случай, выигрывают в "Русское лото".

Вероятность выигрыша в лотерею Марина просчитала уже давно: в уме, ей даже не потребовались ручка и бумага. По ее прикидкам выходило, что скорее она угодит под машину в тихом Александрийске, чем сорвет джек-пот. Ну, а поскольку попадать под машину она не собиралась, то и тратить деньги на азартные игры было ни к чему.

Она вообще не думала, что с ней должно что-нибудь случиться. С какой это стати?

В своих расчетах она руководствовалась теорией вероятности, то есть – оценивала случайные события. Но то, что потом с ней произошло, было совсем не случайным событием. Она попала в число **ИЗБРАННЫХ**, и потому была обречена.

Сейчас она вприпрыжку бежала обратно в общежитие и, если бы где-нибудь по дороге увидела "классики", то не удержалась бы и обязательно немножко поскакала. Хотя бы полчасика.

* * *

Ночь уже вступила в свои права, накрыв город долгожданной прохладой. Раскаленный за день асфальт медленно остывал, напивая воздух тягучим запахом нефтяных смол, пыльные газоны покрылись блестящей россыпью росы. Шесть часов темноты, тишины и покоя. Можно открыть окно; свежий воздух помогает думать.

Несмотря на поздний час, в "четверке" (женском общежитии университетского кампуса) мало кто собирался спать. Не то сейчас время, чтобы спать. Все силы отданы борьбе. Девушки из разных районных городков, поселков и деревень, приехавшие поступать в университет, готовились к экзаменам. Александрийским прощом. К их услугам свободная квартира, мама, гневно шикающая на домочадцев: "Девочке надо заниматься! А ну – тихо!", холодный бодрящий душ, учебники и репетиторы, связи и знакомства, сытный обед и легкий ужин. Они уже заняли удобные плацдармы для наступления на филологический, медицинский, юридический и экономический. Они идут на шаг впереди – а кто и на целых два – по сравнению с простушками, заполонившими общежитие своими чемоданами и баулами, певучим говорком и слезами в телефонную трубку: "Мама! Я хочу домой! Как только поступлю – сразу приеду! До самого сентября".

Юля Рубцова, медсестра из Ковеля, освоившая в родной больнице искусство ладить с пациентами и угождать молодым высоким ординаторам, уткнулась в учебник биологии. Ей было необходимо еще раз прочитать про половое размножение: облечь то, что она давно уже знала, в научные термины. Письменный экзамен – это не переложение "Кама-сутры" вольным стилем; тут приходится оперировать заковыристыми словечками, вроде "мейоз", "митоз", "зигота" и "трофобласты". Хорошо бы еще запомнить, что есть что. По крайней мере, она уже знает, чем сперматозоид отличается от яйцеклетки. И на собственном опыте знает, что их встреча не сулит в девятнадцать лет ничего хорошего: особенно когда твоя мать любит выпить, а дома сидят два брата, и младший ждет, пока старшему станут малы его старые зимние ботинки. Вот вам и половое размножение. Вот вам и "зигота".

Она повернула настольную лампу и придвинулась ближе к окну. На кровати, что стояла рядом с дверью, расположилась Оксана – девочка из такой глухомани, по сравнению с которой Ковель казался центром Вселенной. Оксана непременно хотела стать экономистом и "устроиться на работу в какую-нибудь солидную фирму". Правда, она боялась квадратных уравнений, как черт – ладана, а при слове "дискриминант" ее начинало слегка подташнивать – как это бывает после встречи сперматозоида с яйцеклеткой – но Оксана свято верила в чудо; например, в заступничество молодого и симпатичного профессора, который обязательно поможет ей выкрутиться. И не останется внакладе. "Ну да черт с ней, – решила Юля. – После первого же экзамена она отправится домой, так и не успев съесть все домашние пирожки, которыми снабдила ее мать". Юля знала, что заводить дружбу с Оксаной – бессмысленное дело; уж она-то точно недолго пробудет в общежитии.

Другое дело – Алена Шилова, их третья соседка. Вот она обязательно поступит. Умница, красавица, история с географией от зубов отскакивают, а уж такие ровные и белые зубки не встретишь даже в рекламе зубной пасты.

– А где Алена? – спросила Юля, отложив учебник.

– Да где? За хлебом пошла. Сегодня же – ее очередь, – Оксана ходила за хлебом вчера. Ей почему-то казалось, что домашнюю выпечку надо экономить – хотя бы для того молодого

профессора, который поможет ей написать математику. Будет прекрасный повод – пригласить его, худого и бородатого, попить чаю с пирожками и плюшками.

– За хлебом? – медленно повторила Юля, словно пробуя эти слова на вкус. Она вдруг вспомнила, что чайник уже дважды успел остыть, и она дважды ставила его снова. Она поднялась из-за стола и подошла к кровати. На подушке лежали часы – единственный подарок того олуха, что так неосторожно натравил свой сперматозоид на ее несчастную яйцеклетку. Потом она хотела продать часы, чтобы на вырученные деньги сделать аборт, но оказалось, что этих денег не хватило бы и на презервативы. Ей, как сотруднице больницы, пошли навстречу и все сделали бесплатно. А часы так и остались – на долгую память. И, что самое странное, они ходили почти точно. Убегали на пятнадцать минут вперед за сутки – это ерунда. Сейчас часы показывали половину одиннадцатого. – Хотела бы я знать, какая булочная работает так поздно, – пробормотала Юля.

– Действительно, что-то задерживается. Давно пора уже пить чай. А то живот от голода подвело, – капризным голоском сообщила Оксана.

Юля смерила ее невидящим взглядом. "Откуда тебе знать, что такое голод?" – подумала она с презрением, но тут же мило улыбнулась – сказалась выучка постовой медсестры! – и прощбетала:

– И у меня тоже, Ксюша. И у меня. Ты не знаешь, в какую булочную она пошла?

– Ну, в какую... В ближнюю – кирпичный дом рядом с почтой. Я бы на ее месте не стала бегать по всему городу ради двух булок, когда экзамены на носу. Если только... – Оксана лукаво улыбнулась.

– Что?

– Если только она не познакомилась с каким-нибудь молодым человеком. А? Что думаешь?

"Что думаю? Думаю, что ты – тупая корова, перезрелая толстуха, и твои мысли выдают тебя с головой. Нет...".

– Нет, Ксюша. Какой молодой человек? Алена выбежала только на минутку, она даже не накрасилась и не причесалась. Оставь ты эти глупости, – Юля хотела еще добавить, что александровская булочная – место, куда прекрасный принц забредет в самую последнюю очередь; да и то не от хорошей жизни – только если белый конь сдохнет на ее пороге, но передумала и промолчала.

Сама тоже хороша: соседка, называется. Алены нет уже три часа, а она только хватилась. Господи, а если с ней что-то случилось? Но что может случиться? Ее собственный жизненный опыт: пусть не такой уж большой, но довольно богатый – подсказывал, что нехорошие вещи случаются обычно с нехорошими людьми, с теми, кто любит бездельничать и закладывать за воротник. Да, в Ковеле так и бывало: кражи, драки, поножовщина, – все это происходило под воздействием паров зеленого змия. Поэтому она и стремилась поскорее вырваться из родного городишки, окутанного самогонным облаком подобно Лондону, покрытому густым смогом.

Наверное, в этом было их главное отличие: если Юля стремилась вырваться, то Алена – напротив, хотела ворваться в новый, неизведанный мир. Мир Истории и приключений. Она даже произносила это слово – История – не иначе, как с большой буквы. Юля прекрасно понимала превосходство подруги. Нет, пока еще не подруги – просто хорошей соседки по комнате в общежитии. Алена была одержима своей мечтой; а одержимость – она, видите ли, очень украшает человека. Заставляет сердце учащенно биться, а глаза – блеснуть. И в конечном итоге украшает саму жизнь. А идею стать хорошим врачом и переехать из полуразвалившегося деревянного барака, где не было ни ванны, ни туалета, ни водопровода, Юля при всем желании одержимостью назвать не могла. Скорее, это была необходимость.

Девушки часто засиживались за учебниками далеко за полночь, и, когда "грызть гранит науки" становилось уже невмоготу, поверяли друг другу в свои маленькие тайны. Вероятно,

Ксюша была бы разочарована, узнав, что в свои девятнадцать лет Алена ни с кем не встречается. И даже не думает об этом. Ее мысли и чувства были полностью заняты Мечтой; места для чего-то еще попросту не оставалось. Алена по секрету поведала, что знает "одно местечко", раскопки которого сулят немислимый успех. В свое последнее школьное лето она гостила у бабушки в деревне, но привлекали ее отнюдь не свежий воздух и сочная клубника на огороде. Старинные предания и легенды – вот что собирала Алена Шилова: аккуратно, ягоду за ягодкой, укладывая в толстый рабочий блокнот. Этот блокнот был всегда при ней; на ночь она прятала его под подушку. Какие молодые люди? Все они, вместе взятые, не стоили и пары исписанных мелким почерком страничек, скрепленных синим дерматиновым переплетом.

Юля слушала ее, затаив дыхание: Алена умела интересно рассказывать. Они выходили на пожарную лестницу, где Юля тайком курила, рассеивая клубы табачного дыма маленькой крепкой ладошкой, а Алена, забравшись с ногами на подоконник, рассказывала ей о таинственном городе, скрытом глубоко под землей.

– В этот город можно попасть, но невозможно вернуться, – говорила она, откинув голову и мечтательно глядя в темное ночное небо.

– Откуда же тогда про него известно? – удивлялась Юля.

Алена пожимала плечами и, увидев Юлину недоверчивую улыбку, горячилась:

– Но он есть! Точно есть! И я найду его, вот увидишь. Мне бы только поступить и получить доступ в университетскую библиотеку. Там хранятся такие документы – о-о-о! – что знало это "о-о-о!", Юля не понимала, но верила, что это действительно так. Верила так же твердо, как и в существование подземного города.

И вот сейчас Алена исчезла: ушла за хлебом и не вернулась. Пропала. Отсутствовала без уважительной причины целых три часа, хотя с удовольствием посвятила бы их "Истории средних веков" – толстой книге, лежавшей на ее кровати.

– Пойду прогуляюсь, – сказала Юля. Она набросила на плечи тонкий свитер и завязала рукава узлом на груди.

– Хочешь курить – выйди на улицу, – ехидно пропищала Ксюша. – Комендантша приходила утром, ругалась, что на нашей лестничной клетке воняет дымом и полно окурков.

– Я окурки на пол не бросаю, – отрезала Юля. – А насчет комендантши не беспокойся – как-нибудь сама разберусь.

Ксюша хмыкнула и снова попыталась углубиться в учебник. Однако это занятие давалось ей с большим трудом. Она прикидывала, успеет ли попить чаю с домашними булочками до возвращения соседок.

– Когда ты вернешься? – спросила она.

– Постараюсь недолго, – неопределенно ответила Юля и, увидев нахмуренный Ксюшин лоб, уточнила. – Через полчаса. Не скучай тут без меня.

– Какое тут скучать? Мне еще восемнадцать страниц надо прочитать, а я не понимаю ни черта, словно не по-русски написано, – притворно пожаловалась любительница мучного.

Юля вышла, плотно закрыв за собой дверь. Нарочно громко топая, она прошла по коридору до лестницы и потом тихо, на носочках, вернулась обратно. Припала ухом к двери и услышала возмущенное пение матрацных пружин, и потом – звук выдвигаемого из-под кровати чемодана.

Она приоткрыла дверь и с умильной улыбкой просунула голову:

– Кстати, у меня в тумбочке обалденный вибратор. Можешь воспользоваться, если хочешь – у нас ведь все общее. Только не забудь потом вымыть. Пока, подружка!

Она захлопнула дверь и, давась от смеха, побежала к лестнице. Перед глазами стояла нелепая картина: Ксюша, склонившаяся над чемоданом, черные трико, туго обтягивающие необъятный зад (признак усидчивости – но не письменным столом, а за обеденным), белое испуганное лицо и округлившиеся глаза.

– А как она покраснела, когда я сказала про вибратор! – расхохоталась Юля и запрыгала вниз по лестнице через две ступеньки.

* * *

Он сидел на поваленном дереве неподалеку от "четверки". Не курил, не прихлебывал минеральную воду из бутылочки – просто сидел, почти не двигаясь. Непонятно, кто и зачем спилил этот старый трухлявый тополь: один из многих, растущих вдоль полотна железной дороги. Остальные стояли на своих местах и тихонько шумели клейкой пахучей листвой, но этот лежал уже давно (если судить по успевшему почернеть и дать новые побеги пню), давая пристанище местным забулдыгам и бездельникам, приходившим сюда выпить "на троих" и неспешно обсудить житейские проблемы и мировые новости.

Наверное, он напоминал алкоголика, не дождавшегося компании, хотя более внимательный взгляд сразу бы заметил, что этот человек на алкоголика совсем не похож. Но тем и хорош был поваленный старый тополь: здесь не ходили люди с внимательными взглядами.

За его спиной изредка шумели вечерние электрички, отдавая сидящего бегущим светом, лившимся из мутных окошек. Со стороны насыпи (то есть – тыла) любопытных глаз можно было не опасаться.

А спереди, со стороны женского общежития, его скрывали густые высохшие ветви. Идеальное место для наблюдения.

Задачу, которую поставили перед ним, никак нельзя было назвать простой. С другой стороны, он и не помнил, чтобы перед ним когда-нибудь ставили простые задачи. Нет, такого не случилось: а ведь он СЛУЖИЛ уже тридцать с лишним лет. Тридцать четыре, если быть точным.

Каждый день он просыпался с мыслью: "Сегодня я умру. Значит, надо сделать это достойно". Но пока он выходил победителем из любой ситуации. Все благодаря прекрасной выучке, неутомимым мышцам, острому разуму и совершенно железным нервам.

Правда, седина и глубокие морщины, избородившие лицо, говорили о цене, которую ему приходилось платить за эти победы, но сидящего это мало трогало: он уже тридцать с лишним лет недоумевал, как это случилось, что он не умер вчера.

Он достал из кармана фотографию и еще раз посмотрел: но не для того, чтобы освежить образ девушки – скорее, чтобы проверить свою память. Так и есть! Он совместил черно-белое изображение с мысленным образом, намертво отпечатавшимся на обратной стороне век, и остался доволен результатом. Все совпадало – до мельчайших черточек.

Фотография была явно вырвана из личного дела: наверху виднелся след от скрепки. Но он не дал своим мыслям развиваться дальше: его совершенно не интересовало, какими путями попала к нему эта фотография. Это была ненужная информация. Ему было достаточно четко сформулированной задачи, уложившейся в пару строк, отпечатанных на белом листе. Время от времени к нему приходили письма с такими вот короткими задачами; иногда к ним прилагались фотографии, а иногда и нет. Он не забивал голову лишними вопросами; просто выполнял то, что от него требовали, и все. Его не тревожил размер гонорара: ведь он не работал по заказу, а СЛУЖИЛ. Служил верно и преданно, как самурай, но лицо его господина всегда было скрыто плотной завесой тайны. Он знал, почему служит, но так никогда и не узнал, кому.

В нагрудном кармане легкой куртки лежала ручка: шприц с быстродействующим снотворным. Для выполнения задачи этого было достаточно. Он никогда не носил оружия: само тело было его оружием. При необходимости он умел использовать спички, карандаши, зубные щетки, расчески, зубочистки и даже плотно свернутые листы бумаги: эти невинные с виду вещи в его руках несли смерть – всегда быструю и тихую. И, наверное, почти безболезненную. Во всяком случае, он так думал. Потому что спросить было не у кого.

Девушка вышла из общежития без двадцати восемь. Она куда-то торопилась. "Наверное, в магазин", – безошибочно понял он. Куда еще может торопиться девушка из общежития? Если живет в общежитии, значит, не местная, а за время вступительных экзаменов она вряд ли успеет с кем-нибудь познакомиться. С кем-нибудь, на встречу с которым нужно торопиться. К тому же скоро восемь – время закрытия магазинов. Наверняка она спешит именно туда.

Он проводил взглядом девушку, неторопливо встал, прислушиваясь к стуку сердца: он не участился ни на один удар. Размял затекшие от долгого сидения ноги и осторожно пошел через сухие ветки, стараясь не наступать на белые пластмассовые стаканчики, разбросанные повсюду.

С самого начала девушка была обречена. Хотя... Как посмотреть. Скорее, не обречена, а ИЗБРАНА.

* * *

Эльвира Латыпова возвращалась в общежитие. Она только что поговорила на переговорном пункте с родной Медынью, рассказала матери о том, как успешно сдала уже два экзамена: оба на "отлично". Оставался третий, незначительный – сочинение. За сочинение Эльвира не беспокоилась. Если уж она сдала письменную математику и устную физику, то сочинение как-нибудь напишет. На физическом факультете, куда она поступала, до сих пор ходили легенды об одном весьма толковом парне по фамилии Пруткогляд. Этот самый Пруткогляд был призером Международной олимпиады среди школьников по физике, проходившей в 86-ом году в югославском городе Портороже. Понятно, что физику и математику он сдал без проблем, но сочинения ужасно боялся. И, тем не менее – написал.

"Татьяна любила Онегина. Онегин не любил Татьяну. Ленский любил Ольгу. Онегин застрелил Ленского..." – и все в таком духе. Бессмертный роман Пушкина он раскатал, как блин, на сковородке одной тетрадной страницы, затратив на это три часа напряженного потения. Говорили, что он даже высовывал язык от усердия, когда писал. Еще говорили, что он никогда не стригся и не причесывался, а мылся не иначе как по особому распоряжению декана. Но, как бы то ни было, четверку за сочинение он получил. И потом шесть лет потрясал весь университет своими выходками. Например, Пруткогляд придумал такую штуку: первого апреля расплачиваться в столовой только металлическими рублями. Он заразил этой фенькой весь кампус. Всю последнюю неделю марта кассирша дрожала мелкой дрожью, ожидая очередного нашествия презренного металла, а первого апреля сбрасывала, наверное, несколько килограммов (что только красило ее), таская заранее приготовленные брезентовые мешки с "картавчиками" – монетами с чеканным профилем вождя мирового пролетариата. Тот же Пруткогляд, вконец охренев от теоретической физики и постоянного шума электричек за окном, вышел однажды вечером из общежития с кистью и ведерком черной краски в руках. Он покрасил участок рельса длиной метров тридцать и с чувством честно выполненного долга вернулся в свою комнату. В тот вечер шум электричек не досаждал ему: машинист, не увидев знакомого блеска рельса, включил экстренное торможение, после чего немедленно вызвал путейскую бригаду, сообщив по радиации срывающимся голосом: "Диверсанты разобрали пути!". Движение было парализовано до полуночи, а Пруткогляд в блаженной тишине готовился к зачету. И это еще были самые невинные из его шуток.

Эльвира с улыбкой вспомнила эти и подобные байки, которыми старшекурсники – те немногие, что остаются на все лето в кампусе, потому что им некуда ехать – охотно потчуют доверчивую "абитуру".

Но улыбка на ее лице тут же сменилась грустью, едва она вспомнила голос матери: всхлипывающий, прерывающийся.

– Не плачь, мама! Все хорошо, – говорила она, а мать в ответ твердила только одно. – Доченька! Доченька моя!

Эльвира шла по улице Александрийска, именуемой почему-то Дирижабельной, и с интересом заглядывала в загоравшиеся там и тут окна.

"Вот это – кухня. Под потолком натянуты лески в три ряда; стандартные белые шкафы на стенах, потолок чуть закопчен и в углу зарос паутиной. А это, наверное, спальня. Ковер на стене, основной тон – темно-красный. Голубоватое сияние телевизора играет на прозрачных занавесках... Интересно, что они смотрят? Очередной бразильский сериал? Или новости? Неужели в мире что-то происходит? Что-то еще, помимо экзаменов в Александрийский университет?".

Так, разговаривая сама с собой, она незаметно подошла к последнему дому, стоявшему в городской черте. Дальше, за перекрестком, ограниченным со всех четырех сторон "лежащими полицейскими", начинался университетский кампус – почти такой же большой, как сам город.

Эльвира увидела женщину в мятом желтом плаще, с сумкой в одной руке и металлической сеткой, наполненной коричневыми яйцами – в другой. Женщина безуспешно пыталась приоткрыть дверь подъезда и просунуть в щель хотя бы ногу. Она беспомощно огляделась и увидела медленно идущую девушку.

– Вы не могли бы мне помочь? Рук не хватает, – словно извиняясь за тот факт, что природа наградила ее всего двумя конечностями, сказала она.

– Да, конечно, – откликнулась Эльвира: подошла и распахнула перед женщиной дверь.

В подъезде было темно и пахло кошками.

– Там, внутри, есть еще одна дверь, – сказала женщина. – Я подержу наружную, а вы уж не сочтите за труд, откройте, пожалуйста, внутреннюю.

– Пожалуйста, – сказала Эльвира, подумав про себя: "Может, ты лучше заберешься мне на плечи, а я донесу тебя до самой квартиры?".

Эльвира шагнула в темноту подъезда. В последний момент что-то подсказало ей, что не стоило этого делать. Совсем не стоило. Краем глаза она заметила, как из угла навстречу ей метнулась черная угловатая тень, и в следующий момент что-то укололо ее в шею – чуть ниже того места, где заканчивалось роскошное густое "карэ": Мирей Матье отдала бы последние колготки за такое. Девушка охнула и стала медленно оседать на грязный пол, застеленный старыми картонными коробками. Женщина на улице убрала ногу, и мощная пружина захлопнула дверь. Стало совсем темно. Эльвира почувствовала, что ноги не держат ее. Глаза закрылись, и, если бы не чьи-то жесткие и очень сильные руки, она бы упала. В ушах гулким эхом еще раздавались какие-то голоса, но девушка не могла разобрать ни слова. Она потеряла сознание.

* * *

Юля бродила по ночному Александрийску. Городок казался таким уютным и тихим, что ее тревоги и волнения за Алену постепенно прошли. Ну что может случиться в таком сонном и благочинном уголке мироздания? Ровным счетом ничего.

Одна деталь поразила Юлю – казалось бы, незначительная, но ей, как жительнице бандинского Ковеля, говорящая о многом. В Александрийске почти не было ларьков и магазинов, торгующих круглосуточно, а те, что были открыты в столь поздний час, явно не страдали от наплыва полночных покупателей.

В родном городке, несмотря на ужасающую бедность жителей, они попадались на каждом углу. Ассортимент банальный: водка, пиво, сигареты, дешевое вино. В каждом третьем доме гнали вонючий самогон, и, если денег не хватало на пахнущую ацетоном водку местного разлива, страждущий всегда мог получить в обмен на законные двадцать рублей пластиковую бутылочку из-под "Пепси", наполненную разбавленным "первачом". В ларьках постоян-

ных покупателей знали в лицо и отпускали им товары в долг. На прилавках лежали толстые общие тетради, куда продавцы заносили имя должника и сумму долга.

В Александрийске все было по-другому. Она не встретила ни одного человека с перекошенной опухшей физиономией, желающего срочно "дозаправиться" среди ночи.

Юля подумала, что все дело в университете – наверное, он благотворно влияет на здешнюю атмосферу. Будь на ее месте Эльвира Латыпова, она бы непременно сказала, что на территории Александрийска присутствует интеллектуальное поле очень высокой напряженности. Но Юля не поступала на физический: она вообще была с физикой не в ладах.

Юля достала пачку и обнаружила, что у нее осталась одна-единственная сигарета. Не Бог весть что, учитывая, что она собиралась заниматься всю ночь. Конечно, она тайком будет бегать на пожарную лестницу и дымить, а Алена, которая наверняка уже вернулась в общежитие, сидя на подоконнике, будет рассказывать про неоткрытый подземный город, который дожидается ее лопаты, щетки и совка.

Юля улыбнулась: Алена говорила про таинственный город с такой страстью и пылом, с какими другие девушки говорят о своих парнях, хотя Юля, как никто другой, знала, что ни один парень того не стоит. Ну, уж она точно такого не встречала, включая и высоких ординаторов из родной больницы. "Они все хотят одного. Но много раз", – подумала Юля и направилась к одиноко стоящему ларьку напротив злополучной булочной.

Ларек светился на темной улице, как путеводный маяк в ясную ночь. Юля зашла и закрыла за собой дверь: маленький колокольчик призывно звякнул, извещая о визите припозднившегося покупателя.

Из-за прилавка, уставленного пивом, соками и пластиковыми бутылками с минеральной водой, стремительно возник смешной паренек в клетчатой фланелевой рубашке. "Рубашка канадского лесоруба", – так называла Юля подобную одежду. Длинные волосы парня были забраны на затылке в толстый пучок. Дужка наушников охватывала голову, левый наушник сдвинут назад. Парень дергался и пританцовывал в такт музыке.

Он оглядел девушку с ног до головы, оценивающе прищурившись – так, словно это он собрался ее покупать.

Юля кротко потупила взор, затем повернула голову вправо, давая парню возможность оценить ее левый профиль (каждая женщина четко знает свой самый удачный ракурс); она словно не замечала, что полка с сигаретами все это время находилась прямо перед ней. Затем она повернулась к продавцу и посмотрела ему в глаза.

Парень был совсем молодым – скорее всего, ее ровесником. Но между девятнадцатью женскими годами и девятнадцатью мужскими существует большая разница: к этому времени девушка уже твердо знает, чего она хочет, тогда как парень только выходит на тропу войны с окружающим миром; и первые шаги чаще всего оказываются необдуманными, случайными.

– Пачку "Винстон суперлайтс", пожалуйста, – сказала Юля.

– Эй, а я тебя раньше не видел, – парнишка подмигнул. – Абитура, да? Какой факультет?

Юля нетерпеливо постучала пальцами по прилавку. Весь ее вид говорил: "Хватит болтать, занимайся своим делом. И побыстрее, детка". Но на парня это не действовало.

– Чего ты такая сердитая? А может, – он наклонился к ней, – ты просто боишься? Не бойся, если голова есть – поступишь.

Юля хотела сказать: "Я здесь проездом" или "Я приехала к подруге в гости", – ей почему-то казался унизительным тот факт, что она – обыкновенная "абитура". Но парнишка выглядел таким веселым и искренним, что она решила не обманывать его.

– Ох! – вздохнула Юля. – Послезавтра биология. Я и впрямь немного боюсь.

– Послезавтра? – он скорчил смешную гримасу, обдумывая что-то. – Это, значит, медицинский?

– Ну да.

– О! Да мы с тобой – коллеги. Я тоже на медицинском. Второй курс.

– Правда? – Юлия взглянула на него уже по-другому. Сначала ей и в голову не могло придти, что этот щуплый парнишка с длинными волосами учится на врача. Ординаторы из ее родной больницы были такими высокими, солидными – словно родились со стетоскопами в мягких белых руках. А у этого все руки были в царапинах и заусенцах.

– Ну да! Говорю ж тебе – второй курс. Ну, то есть – перешел этим летом на второй. А в прошлом – был такой же, как ты. И тоже боялся. Не дрейфь. Биологию хорошо знаешь?

– Не очень, – честно призналась Юлия.

– Знакомая история. Но ты не волнуйся – на самом деле ее никто хорошо не знает. Экзамен будет письменный – так?

– Ага.

– Четыре часа в твоём распоряжении. Выпускать в туалет начнут после второго часа, не раньше, – парень нахмурился и почесал тонким коротким пальцем лоб. – Ничего, что-нибудь придумаем!

– А ты что? – спросил он, словно до него только что дошел смысл сказанного Юлей, – куришь?

Он произнес это таким тоном, что Юлия испугалась. Наверное, этот парень причислял курение к разряду смертных грехов – наравне с убийством и прелюбодейством.

– Нет, – не моргнув глазом, сказала Юлия. – Я... соседка попросила. А я просто вышла прогуляться... Голова такая тяжелая, – она виновато улыбнулась, ругая себя за эту улыбку. "Ну чего ты врешь? Хочешь показаться лучше, чем есть на самом деле?".

– Смотри, – погрозил ей волосатик. – Ты видела на вскрытии легкие курящего человека?

– Не-а...

– У-у-у! Страшная штука! Все черные, из альвеол сочится смола... Ужас! Не приведи Господь! Как подумаю, что человек сам делает с собой такую гадость – прямо зло берет.

– А ты видел? Легкие курящего?

Женщины как-то очень быстро умеют подстраиваться; заполнять собой пустое пространство. Несколько минут назад Юлия бы и не посмотрела на этого заморыша с пышным хаером, но после того, как узнала, что он, оказывается, второкурсник, да еще с медицинского... Парень словно прибавил в весе и вырос в ее глазах сантиметров на пятнадцать.

– Нет, – с вызовом ответил он. – Еще рано. Патологическая анатомия начнется в следующем году. Вот увижу – тогда, наверное, брошу, – ловким щелчком он выбил из пачки "Честерфильда" сигарету и картинно прикурил. – А ты что, решила, что я совсем уж квадратный? – он рассмеялся, обнажив мелкие острые зубы.

– Ага... А что это – "квадратный"? – Юлю тоже разобрал смех.

– Квадратный? Ну, такой... Квадратный, одним словом. С острыми углами. Тяжело с ним. Понимаешь?

– Ага! – теперь уже Юлия смеялась в полный голос.

– Пива хочешь? Давай выпьем "Миллера". Почетное пиво, рекомендую.

– А что, никто не заметит?

– Почему не заметит? Сам скажу. Шеф вычтет из зарплаты, всего делов-то. Давай, угощаю.

Колокольчик над дверью звякнул. Вошел угрюмый детина с ранней плешью на голове.

– "Яву" золотую, – сказал детина, ссыпав в тарелку для денег горсть мелочи.

– Сей момент, – отозвался парнишка, метнул мелочь в кассу и, закрутив, бросил на прилавок пачку сигарет. – Ваша "Ява", сэр.

Детина, не глядя на него, сунул сигареты в карман. Он постоял несколько мгновений, уставившись тяжелым взглядом в линолеум с причудливым узором, и молча вышел.

– К вашим услугам, сэр, – крикнул ему вдогонку парнишка.

– С философского. Третьекур, – он заметил недоумение в Юлиных глазах и пояснил. – Третьекурсник. Видала, какая у него лысина? Думает много. Они все там, на философском, много думают.

– О чем?

– Да ни о чем. Если бы о чем-то, так уж, наверное, давно бы додумались. А так, – он презрительно усмехнулся и махнул рукой. – Есть ли жизнь на Марсе, да в чем смысл жизни... Ерунда. Вот ты, например, знаешь, в чем смысл жизни?

На эту тему Юля готова была беседовать долго. Нет, в чем смысл жизни, она, конечно, не знала. Зато она хорошо знала, в чем его нет. Но... Парень выступил на сцену, а ей отводилась роль восхищенной публики.

– Не знаю.

– И я тоже не знаю. Видишь, мы с тобой – два умных человека, и не знаем, в чем смысл жизни. А этот баран теряет последние волосы и думает за нас. Точнее, думает, что он думает за нас. А надо просто жить, вот и все. Просто жить – другого смысла нет, – он вытащил сигарету изо рта и пустил тонкую струйку дыма. – Ну так как насчет пива?

– С удовольствием.

Парнишка вытащил из холодильника две бутылки "Миллер лайтс" и быстро скрутил пробки.

– Люблю "Миллер" – пиво легкое и открывается легко, – он наполнил рот бледно-желтой пенящейся жидкостью, так, что его щеки раздулись, и потом с удовольствием проглотил. Отсалютовал девушке бутылкой. – Ваше здоровье, прекрасная незнакомка!

– Я не незнакомка. Меня зовут... – но парень перебил ее.

– Не торопись! Ни в коем случае не торопись. Прочувствуй момент: ты – прекрасная незнакомка, я – таинственный хозяин горного трактира. Снежная буря застала тебя в пути, и ты забрела на огонек. Сколько будет идти снег – ночь, неделю, месяц? Никто не знает. Нам некуда торопиться. Сначала надо присмотреться друг к другу. Согласна?

– Хорошо, – ответила Юля с лукавой улыбкой. Ей начинала нравиться эта игра. Она даже пожалела, что целый час слонялась по городу, хотя могла бы сразу зайти в ларек.

– Я вижу, – он перегнулся через прилавок и пристально посмотрел на ее ноги. – Что ты одета в дорожный костюм. Набойки на твоих горных ботинках давно стесались, а на нежных ладонях, – он взял ее руки и повернул ладонями вверх, – мозоли от альпенштока.

– Чего?

– Ледоруба, прекрасная, – с нарочитым придыханием сказал парнишка. – Такой молоток с острым клювом. Знающие люди говорят, что он хорошо входит в голову – только вытащить потом тяжело. Ну, да неважно – сезонные скидки на альпенштоки никого, кроме Троцкого, больше не интересуют. Даже таких прекрасных молодых леди, как вы. Не так ли, божественная?

Юля запуталась в его речах – при чем тут Троцкий? Ей было очень смешно. Наверное, виной тому наполовину выпитая бутылка пива? Или нет?

Она улыбнулась со сдержанным достоинством: эпитет "божественная" к тому обязывал. "А все-таки высоким ординаторам далеко до этого болтуна с конским хвостом на голове. У них только глупые амбиции, солидный вид да вялый член. Ах, нет: еще дешевенькие часы – подарок на долгую память. А этот – парень веселый", – подумала девушка.

– Вы привыкли все делать сами. Ваш папа, – он произнес это слово на французский манер, с ударением на последнем слоге, – был аферист и шулер международного класса. Он оставил вам огромное состояние и старушку-мать на руках.

"Недалеко от истины. Папашка действительно был аферист. А два младших брата – это ли не состояние? Ну, мать сама себя сделала старушкой – водка и не таких богатырей с ног валит. Пока все в точку".

– Но вы, – продолжал парнишка, – отринув несметные сокровища, нажитые несправедливым папашиним трудом, решили добиться всего самостоятельно. Начать, так сказать, путь наверх. К самому небу. Ухватить Бога за... Скажем так, бороду. Что ж? Похвальное рвение. Вы вышли из... Откуда ты приехала? – перебил он себя.

– Из Ковеля.

Парнишка понимающе кивнул.

– Из "Приюта тринадцати странников" и отправились к далекой сияющей вершине. И тут! Боже мой! Как несправедлива судьба к лучшим из нас! В пути вы попали в ужасный буран. Кошмарный снежный вихрь! И, дорогая моя, скажу честно – вы были на волосок от гибели, если бы... Если бы не я – таинственный хозяин горного трактира, который протянул вам руку помощи, накормил, обогрел и теперь предлагает выпить на брудершафт.

– Это? – опешила Юля от такой неожиданной развязки. – То есть – целоваться? – она смущенно прыснула – продолжая игру.

Парнишка утвердительно кивнул.

– Ни секунды на размышление! Да или нет! Или это произойдет сейчас, или этого не случится никогда! Снежные лавины и торосы голубого льда навеки разлучат нас, не оставив на прощание даже наших имен.

Он прыгнул на прилавок и ловко перенес через него худые ноги в стоптанных кроссовках. Смешная круглая подставка, утыканная головками "Чупа-чупсов", покачнулась, но устояла на месте.

Парень вел себя так смело, будто Юля уже сказала "да", хотя она не успела вымолвить ни слова.

– У меня пиво кончилось, – сказала она, показывая пустую бутылку. Пока он болтал, она незаметно выпила все.

– Для любящих сердец это не преграда, – парнишка крепко взял ее за шею и впился в губы.

Она дала ему время, прежде чем попробовала отстраниться. Секунд пять, не больше – но все же лучше, чем ничего. От ординатора она, помнится, в первый раз отбивалась куда настойчивее.

– Отныне и навеки я ваш покорный слуга, странствующий рыцарь Павел Синицын, – склонился парень в почтительном поклоне.

– Юля, – ответила она.

– Ну, уж коли мы преодолели ненужные условности естественным путем, может быть, хлебнешь из моей чаши? Я ведь все равно на работе, – он отдал ей свою едва начатую бутылку, и Юля после недолгого колебания взяла.

– Не жалко? – ехидно спросила она. – Хозяин вычтет из зарплаты?

– А я и есть хозяин, – спокойно ответил Павел. – Подпольный алкогольный магнат – но! В свободное от работы время. А основная моя профессия – странствующий рыцарь.

Он снова перепрыгнул через прилавок.

– Передай соседке – пусть всегда присылает тебя за сигаретами. Насчет экзамена не беспокойся – что-нибудь придумаем. Приходи завтра в это же время – получишь подробные инструкции. Идет? – он снова подмигнул ей – озорно и лукаво.

– Конечно.

Юля взглянула на часы и поняла, что уже непоправимо поздно – начало первого. "Еще не успела поступить, а уже возвращаюсь черт знает когда. Что подумает обо мне бабулька, сидящая на вахте?"

– Ой, я пойду, Паша, – засуетилась она.

– Сигареты не забудь, – он протянул ей пачку "Винстона" и две десятирублевки, которыми она собиралась расплатиться.

– Спасибо! – Юля торопливо открыла дверь.

Колокольчик мелодично звякнул.

Парень проводил ее взглядом.

– После экзамена я тебя трахну. Можно было бы и завтра... Но после экзамена ты будешь теплее. Это уж точно.

Он облизнул сухие губы, поправил резинку, стягивающую хвост, и врубил плейер на полную громкость.

* * *

Юля быстро добежала до общежития. Бабка, божий одуванчик, сидела в маленькой будочке с плексигласовым стеклом и читала книжку в мягкой обложке. На обложке были россыпи красных сердец (kozyри – черви!) и сладкая до тошноты картинка: черноволосый набриолиненный красавец, раздувая ноздри, прижимал к себе пышногрудую блондинку, от истомы лишившуюся чувств.

"В жизни все не так", – подумала Юля. – Тебя заводят в процедурную, или в ординаторскую, или в опустевшую столовую, и...". Одним словом, не так.

Бабулька кутала костлявые плечи в пуховый платок. Она укоризненно взглянула на Юлю поверх очков и, стараясь придать тонкому голоску хотя бы минимальный оттенок строгости, сказала:

– Что ж ты, деточка, так поздно? А впрочем – дело молодое.

И помахала сухонькой коричневой ладошкой. Юля так и не поняла, что это должно было означать: отпущение вполне простительных для молодости грехов? Или сигнал – проходи? В любом случае, задерживаться не стоило: большой палец бабульки держал книжку раскрытой прямо на середине. Наверняка там полным ходом развивались амурные события: дело шло от случайного касания кончика шелкового платья к страстным пожатиям пальцев. Еще сто страниц, и настанет время для первого поцелуя – безусловно, САМОГО первого в жизни героини (изнасилование злобным отчимом в возрасте девяти лет – не в счет), и потому – незабываемого и головокружительного.

Ее высокий ординатор ухватил сразу за грудь. Даже не ухватил – больно и неумело ущипнул, приняв ее вскрик за признак мгновенного возбуждения. Поцелуи были потом, но вовсе не головокружительные, а слюнявые и чмокающие. Юля удивилась, что она так легко об этом вспоминает: без привычного удивления – "как же я могла?" – и легкого чувства брезгливости.

Может, дело было в смешном парне с конским хвостом? Вряд ли. Скорее всего, в двух бутылках пива "Миллер лайт" – роскошь, которую постовая сестра из Ковеля не могла себе позволить. Да плюс пачка сигарет в подарок – дома она такие не курила, а в Александрийске приходилось "держаться фасон": как-никак, поступает в университет.

Юля быстро пробежала пустынный холл и поскакала вверх по лестнице. Третий этаж. Триста пятнадцатая комната. Она ворвалась в комнату, как судебный пристав – даже не постукав.

Ксюша одиноко сидела на кровати и что-то медленно жевала. Лицо ее лоснилось, к пухлым губам прилипли крошки.

Внезапно Юля почувствовала, как маленькая беспричинная радость, тихо булькавшая в ней, куда-то испарилась.

– А где Алена? – спросила она, предчувствуя ответ.

Кровать Алены так и стояла – идеально заправленная, на одеяле лежала раскрытая "История средних веков", а из-под подушки торчал синий уголок блокнота.

Ксюша сделала мощное глотательное движение, которому позавидовал бы пятиметровый удав, покраснела от натуги и произнесла:

– А ты разве не встретила ее? Я думала, что вы вместе куда-нибудь пошли. Поесть. Или поразвлечься. В таком большом городе... – она многозначительно закатила глаза.

– Алена так и не приходила? – глухо сказала Юля.

– Нет. Даже не показывалась.

Юля развернулась и молча вышла из комнаты. Ксюша закричала ей вслед:

– Постой! Куда ты? – но Юля не слушала.

Она спустилась вниз, в холл, и подошла к сторожевой будке, в которой бдительная бабулька то и дело лазила морщинистым пальцем под очки, смахивая набегавшие слезы. Что-то там, в книге, произошло: то ли героиня узнала о смерти любимой морской свинки, то ли героя озадачили заявлением, что у него – простатит и неполное опущение левого яичка в придачу.

Юля нагнулась к окошечку в плексиглазе.

– Послушайте! Эй, послушайте!

Бабулька перевернула книжку и положила ее на стол.

– Чего тебе, красавица? – она чуть было не сказала Элен. Или – Сюзан. Или как там звали главную героиню.

– У нас соседка пропала. Ушла уже давно и до сих пор не вернулась. Я не знаю, что делать. Скажите, что делают в таких случаях?

Бабулька пожала плечами; кисточки, свисавшие с краев платка, смешно дрогнули.

– Ну, а что делают в таких случаях? Вам, молодым, виднее, что делают. Ничего. А в наше время – обязательно женились. Вот так вот. Если девушка не приходит ночевать – значит, дело серьезное. Тут уж – совет да любовь.

– Постойте... Вы не поняли. Она пропала, говорю же я вам. Она приехала поступать в университет, никого в этом городе не знает. Ушла за хлебом и не вернулась. Может, с ней что-то случилось?

Лицо у бабульки приняло мечтательное выражение.

– Случилось... Деточка, рано или поздно это со всеми случается. Ты подожди до утра, не паникуй. Сколько себя помню, отсюда еще никто не пропадал. К сожалению, все возвращались. Да ты сама-то во сколько заявила? Пяти минут не прошло. Ну? Пусть уж соседка твоя погуляет, не волнуйся так. А я комендантше не скажу. Не бойся. Зинаида Васильевна никого еще не выдавала.

Бабулька нагнулась к окошку.

– Вот Любка... Сменщица моя, Любовь Ивановна, та может. Ты при ней даже не вздумай опоздать. В одиннадцать – двери на замок, и до свидания. А я – бабка добрая. Чего уж там? Дело-то молодое, – она погладила книжку. Набриолиненный мачо вздрогнул от ее прикосновения.

Юля кивнула и снова пошла к лестнице. "Ладно. Если до утра не придет – пойду к комендантше. Пусть вызывает милицию".

* * *

Оскар Пинт проснулся оттого, что услышал чей-то сдавленный крик. Он вскочил на кровати и, даже не успев как следует продрать глаза, потянулся к тумбочке за сигаретами.

– А! – голос показался ему знакомым. Тот же самый голос, который разбудил его. Ему потребовалось какое-то время, чтобы сообразить, что это он кричал во сне.

– Фу!

Он встал и немного походил по комнате. Прикосновение босых ног к прохладным половицам действовало успокаивающе.

– Черт! Кажется, я схожу с ума! – он сделал еще один круг и вернулся к кровати. – Правда, мне не в первой, – сказал он уже спокойнее.

Сон... Конечно же, его встревожил сон. И этот... Рыцарь. Но теперь он видел его другим. Совсем другим.

Молодым, сильным, красивым; верхом на сытом, сером в яблоках, могучем жеребце. И никакого снега.

* * *

Рыцарь выехал из леса на широкий зеленый луг и остановился, дожидая кого-то. Спустя минуту показался его спутник: пожилой человек с длинными седыми волосами верхом на маленькой гнедой лошадке.

– Доблестный кавалер! – дребезжащим голосом сказал седоволосый. – Вашему Букефалю и десяток лье нипочем. А моя Красотка уже устала.

– Сдается мне, – рыцарь оперся на высокую луку седла и обернулся к спутнику. В глазах его светилось лукавство, – что не так устала Красотка, как старик Гильом. А? Не так ли? Седоволосый, которого рыцарь назвал Гильомом, покачал головой.

– От глаз вашей милости ничего не скроется, – кротко сказал он. – И, однако же, сир де Ферран, мне нечего стыдиться своей дряхлости и груза прожитых лет. Я, помнится, был преданным псом еще вашему покойному батюшке. Мы выступили с ним из вашего родового замка в лето 1147-го года от рождества Христова, когда неверные сельджуки обманным путем взяли Эдессу.

– Сколько раз я просил тебя не упоминать при мне этого прохвоста. И ту грязную дыру, в которой я родился, – голос рыцаря звучал грозно, но в глазах его не было гнева. Старик Гильом хоть и подслеповат, но мог за это поручиться.

– Сир, ну зачем же вы так отзываетесь о покойном родителе? Ведь он – ваша предтеча. Звено в той славной цепи Жизни, которая, да услышит Всемогущий Господь мои молитвы, никогда не прервется. Разве вам не было бы обидно, если бы ваше возлюбленное чадо хулило память о вас столь дерзкими словами?

– Возлюбленное чадо? – рыцарь усмехнулся. Жеребец под ним нетерпеливо перебирал ногами. – Где же ты видел, книжный червь, чтобы возлюбленных чад выгоняли из-под родного крова? Гнали от очага прочь, как кухарка гонит безродного пса от бадьи с помоями? Говори, старик, да не заговаривайся! Покойный родитель лишил меня всего: замка, наследства и титула! И все ради сына этой жалкой потаскухи, чье имя я не могу произнести без отвращения!

– Смею напомнить вам, сир, – теперь Гильом подъехал к рыцарю вплотную и говорил тихо, почти вкрадчиво, – что эта, как вы ее называете, потаскуха, была его законной женой.

Рыцарь вскипел.

– Ну и что? А разве моя матушка до этого не была ему законной женой?

– Сир, ваша матушка скончалась. Это произошло спустя полтора года после того, как ее супруг выступил в числе тысячи славных дворян во Второй великий поход против неверных.

– Что с того, Гильом?

– Сир! Неловко повторять, но графиня Изабелла, мир праху ее, отдала Богу душу, пытаясь родить дитя, которое оказалось для нее слишком большим. А дети, позвольте заметить, не рождаются спустя полтора года после ночи, проведенной на ложе с законным супругом. Науке такие случаи неизвестны. Правда, ученые мужи говорят, что на Востоке водятся огромные ходячие горы. Их уши напоминают хоругви, а зубы торчат изо рта на четыре локтя. Между зубов у них растет огромная мягкая рука без костей, и называют этих диковинных существ слонами. Так вот, слоны вынашивают плод долгих четыре года, потому что детенышу надо набрать силы еще в утробе матери...

– Что ты мне голову морочишь, пес? – вскричал рыцарь.

– Я хочу сказать, сир, что вовсе не та особа, чье имя вы не желаете произносить и даже слышать, была потаскухой...

– Закрой свой гнусный рот, старик – или я набью его землей. Но прежде я отрежу твои поганые уши и нос!

– Мой господин! За то время, что мы добирались сюда, вы угрожали сделать это столь часто, что будь я хоть с головы до ног покрыт ушами, все равно стал бы уже гладко оструган, как полено, из которого столяр режет ножку для стула. К тому же – ваш верный пес Гильом Каль, лишенный слуховых приборов, коими снабдила его природа, никогда больше не смог бы услышать ваш сладчайший голос.

Рыцарь усмехнулся.

– Хорошо! Я отрежу твой хитрый лживый язык, дурень Гильом! Чтобы ты не смел больше вести хулительные речи о моей матушке, графине Изабелле де Ферран.

– Сир! Вам могло неверно показаться, что я непочтителен к памяти вашей достойной матери, но, поверьте, сир, это не так! Я лишь излагаю точку зрения вашего отца, графа Филиппа де Феррана, которую сам почитаю глубоко ошибочной. Коли я принял бы его сторону, я бы остался у него в услужении и был бы, наверное, воспитателем нынешнего хозяина родового замка Ферранов, кавалера де...

– Довольно! – сухо сказал рыцарь. – Ты сказал не более, чем думал. Прости мне мою горячность. Наверное, я зря жалуюсь на судьбу. Ведь мне досталось не такое уж плохое наследство. Букефаль, доспехи, четыреста золотых в кошеле, расшитом руками покойной матушки, да еще жалкий ворчливый пес, чьи зубы поредели от старости.

– Сир, – седоволосый склонился в почтительном поклоне, – мои зубы знали мясо и кровь врагов рода де Ферранов.

Рыцарь понял, что зашел далеко.

– Не таи зла, старик! Посмотри лучше, что ждет нас впереди, – он указал рукой в тяжелой кольчужной перчатке на две одинаковых горы, высившихся вдали.

– Эти горы подобны сладчайшим персям юной девы, ожидающей в томлении своего господина, – с улыбкой сказал Гильом Каль.

– Ну так и положим на них хозяйские длани! – воскликнул рыцарь, трепля уши своего коня. – Вперед, Букефаль! – он тронул шпорами жеребца, и тот взял с места размашистой рысью.

– Видит Бог, от детства я не жду ничего хорошего, – пробормотал седоволосый. – По мне лучше грешные трактирищицы да смазливые кухарки с дитем в подоле. А уж хозяйская кружевница Бьянка, прости Господи! Вот была искусница! Покойный господин Филипп не зря жаловал ее прелести! А верным псам достаются самые жирные куски с барского стола... – он вздохнул, вспоминая лучшие времена, и тронул поводья. – Вперед, Красотка! Негоже нам идти против природы: не ты должна бегать за крупом Букефалья, а он – за твоим.

* * *

На этом месте сон оборвался сдавленным криком. Его же собственным криком. Оскар долго не мог понять, что именно его встревожило. Что? Ведь была какая-то причина?

Да, это был тот самый рыцарь. Теперь картинка показала еще один кусок – видимо, начальный. Но что в нем было необычного? Страшного? Как-то связанного с событиями пятилетней давности?

Он присел на край кровати и закурил, стряхивая пепел прямо на пол. Все равно ему не уснуть до рассвета. А с рассветом он начнет что-нибудь делать. Убираться, например. Почему бы не устроить сегодня генеральную уборку? Почему бы не перестирать все грязное белье, сваленное кучей в углу ванной? Почему бы не отжаться двести раз подряд?

Почему не сделать что-то такое, что заставило бы хоть ненадолго забыть о том смутном чувстве тревоги, преследовавшем его последние дни?

Он курил и мысленно прокручивал в голове те удивительно ясные и четкие картины, которые видел во сне. Он был уверен, что никогда прежде в своей жизни не видел таких ярких и подробных снов. Хотя – может быть, и видел, но забывал сразу после пробуждения. Но сейчас... Сон не оставался сном, он плавно перетекал в реальность.

Он слышал глухое звяканье рыцарских доспехов, низкий гул копыт огромного жеребца, ощущал сладкий запах клевера и пряные ароматы трав, которым не знал названия. Он видел развевающиеся седые волосы Гильома Каля так же хорошо, как сейчас видит алый уголек сигареты.

Но был еще один знакомый образ. Пинт включил обратную перемотку пленки у себя в голове. Так. Вот рыцарь выезжает из леса на луг. Он стоит и ждет, и его боевой конь нетерпеливо прядает ушами. Нет, не то! Так. Из леса появляется Гильом Каль верхом на Красотке. Ну и что? Снова не то. Они болтают о разной ерунде... А может, это и не ерунда, как знать? Но не в разговоре дело.

"Что нас ждет впереди...". Пинт почувствовал, что эта фраза засела в его голове, как рыболовный крючок – в пальце. А что их ждет впереди? Рыцарь указывает на две одинаковых горы вдалеке, своими очертаниями напоминающие женские груди...

Да! Он вспомнил!

"– Правая грудь, – бросил Шериф, заметив, куда смотрит Пинт.

– Простите?

– Я говорю, этот холм называется Правой грудью. А тот, – он махнул рукой в противоположную сторону, туда, где скрытый домами, возвышался второй холм. – Левая.

– Еще одно красивое название?

– Ну да".

Это все было! Как ни трудно в это поверить, особенно сейчас, спустя пять лет, но он был в Горной Долине ДЕВЯТНАДЦАТОГО АВГУСТА. И видел два холма. Не горы, но холмы, удивительно похожие на женские груди.

Пожалуй, верхушки этих гор, видимые рыцарю из-за синего обреза дальнего леса, были в точности такими же, как холмы в Горной Долине.

Вот что его встревожило! Нечаянный визит в собственное прошлое. Этот сон про рыцаря, каким бы странным и фантастическим он ни казался, возвращал его к событиям, которые, впрочем, тоже иначе как странными и фантастическими не назовешь.

Вот она, разгадка! Точнее, до разгадки еще далеко.

Пинт нащупал в темноте пепельницу и с ожесточением задавил окурок. Он даже не почувствовал боли ожога.

Он решился. Первый раз за последние четыре года. Да, до того он делал это четыре года назад.

Оскар подошел к платяному шкафу. Громоздкий на вид, он был не слишком тяжелым. Во-первых, потому, что гардероб Пинта был весьма простым и скудным, а, во-вторых, потому, что большая часть его дожидалась стирки, валяясь в углу ванной комнаты.

Он присел и взялся за низ шкафа. Напрягся и сдвинул его в сторону. Подставка была полой внутри. В темноте он не увидел скопившуюся под шкафом пыль, но почувствовал, как она щекочет ему ноздри. Оскар громко чихнул. Потом еще раз.

Он пошарил рукой, чувствуя мягкую, как тополиный пух, пыль, и липкую сеточку паутины. Что за глупый паук? Неужели он рассчитывал, что туда залетят жирные вкусные мухи? Так, небось, и помер, бедолага, с голоду, ожидая лучших времен. (Он подумал про себя: а какого хрена я плету паутину там, куда не залетают мухи?).

Рука нащупала сверток в мягкой коже. Он взял сверток и перенес его на стол. Заранее зная, что сейчас произойдет, Пинт проверил занавески: они были плотно задернуты.

Пинт медленно, словно боялся обжечься, развязал тесемки, связывавшие кусок мягкой кожи. Комната озарилась зеленоватым свечением. Оно стало сильнее, когда Пинт открыл тетрадь.

На листе плотной бумаги копошились будто маленькие жучки. Они ползали туда-сюда, складываясь в большую цифру 2. Она напоминала плывущего по водной глади лебедя.

Жучки постоянно двигались, но цифра 2 не рассыпалась. Казалось, она тоже шевелилась и переливалась.

Пинт поспешно захлопнул тетрадь и завернул ее в кожу. Завязал тесемки и спрятал сверток обратно в немудреный тайник.

Он вернулся на кровать, унял дрожь в руках и снова закурил.

Два... Что это за двойка? Что она означает? Он не знал, что и подумать.

Он сидел на кровати и смотрел, как тьма за окном постепенно бледнеет, становится не такой густой и плотной. В половине пятого рассвело.

Пинт все так и сидел на кровати. Время для хозяйственных дел еще не наступило. Слышимость в старой "хрущевке" была такая, что Оскар мог разобрать слова песенки, которую мурлыкал себе под нос сосед слева, бреясь по утрам. Пинту не нужно было искать пульт телевизора, чтобы узнать, что идет по НТВ, – соседи справа отдавали предпочтение исключительно этому каналу. Он мог с точностью до секунды предсказать время наступления оргазма у молодой супружеской пары, живущей над ним. Ну, а сам он старался все делать тихо – лишь бы не докучать лишний раз Майе. Майя Токарева, очаровательная девушка девятнадцати лет, жила этажом ниже. Она рано лишилась родителей из-за какого-то болвана, севшего за руль своего "КАМАЗа", будучи смертельно пьяным. "Смертельно" – в этом слове слышалась горькая ирония.

Она собиралась поступать в университет. На филологический. Что ж, удачи тебе, Майя!

Пинт взъерошил волосы и тихонько пошел на кухню, чтобы поставить чайник. От множества выкуренных сигарет было горько во рту и щипало язык.

В шесть утра еще одна заядлая курильщица, математическая дива Марина Дроздова, надела спортивный костюм и кроссовки и вышла на пробежку. Она думала, что регулярные физические упражнения помогут ей преодолеть пагубное влечение к табаку.

В общежитие она не вернулась. И, если бы в шесть часов восемнадцать минут утра Оскар Пинт открыл тетрадь, он бы увидел, как "двойка" постепенно превращается в "тройку". Но все равно бы ничего не понял.

* * *

Юля проснулась в тот момент, когда высокий ординатор, стоя посередине пустой столовой со спущенными белыми форменными штанами, протянул к ней руку и прохрипел:

– Отдай часы! Они мои!

Юля очень удивилась. Она пыталась застегнуть лифчик, но сделать это, не снимая такую же белую форменную рубашку, было нелегко. Они всегда должны были оставаться на посту – вот в чем дело. Они всегда дежурили вместе, и так ни разу и не разделись до конца.

Юля бросилась к двери, но, как это бывает во сне, двигалась очень медленно, словно плыла в густом апельсиновом киселе. На пути возникло ведро с грязной половой тряпкой – в обязанности сестры входило мыть полы в столовой: должность санитарки хоть и была предусмотрена по штату, но ее занимал кто-то из детей начальников, которому нужно было "положить" трудовую книжку; поэтому столовую по ночам мыли дежурные сестры. А какие могут быть возражения: не хочешь – увольняйся!

Ведро с ужасающей быстротой увеличивалось в размерах. Юля пробовала его обойти, но ведро, словно живое существо, послушное воле высокого ординатора, преградило ей путь.

– Отдай часы! – услышала она хрипение за спиной.

Хрипение приближалось, становилось все громче и громче; постепенно оно перешло в громовой раскатистый храп. Юля вздрогнула и... проснулась.

Она села на кровати. Храп доносился со стороны двери. Простецкий, очень громкий и незатейливый: без всяких свистов и придыханий.

Он начинался как-то исподволь, почти нежным "пиано", затем неуклонно нарастал, будто повинуюсь "крещендо", записанному в невидимых нотах, достигал "фортиссимо" и далее следовало расслабленное, убаюкивающее "диминуэндо".

Присмотревшись, Юля увидела, что громкость храпа нарастает одновременно с колыханиями массивного Ксюшиного тела, укрытого с головой легким летним одеялом.

"Фу! Хорошо еще не пердит!" – подумала Юля, однако раздавшийся вслед за этим короткий отрывистый звук заставил ее усомниться в правоте своего предположения. Юля сделала вид, что не заметила.

Вообще-то, это было ее коньком. Находить слова утешения для других и, главным образом, для себя.

"Хорошо еще, что не трое", – думала она, пытаясь прокормить двух младших братьев на свою нищенскую сестринскую зарплату.

"Хорошо еще, что не зарезала меня во сне", – думала она, обнаружив, что мать нашла спрятанную записку и вытащила последние деньги.

"Хорошо, что он так рано умер", – думала она, вспоминая пьяные побоища с матерью, которые устраивал отец.

В общем, все было хорошо. Можно было оправдать и Ксюшин храп, хотя она ее в последний момент подвела. "Хорошо... Хорошо... Черт! Да что же в ней хорошего?" – возмущенно подумала Юля, откидывая одеяло.

"Если уж проснулась, надо вставать. Впереди полно дел", – этому принципу она не изменяла даже в общаге, хотя и могла бы поваляться часиков до девяти.

Она сразу почувствовала, что комната стоит какая-то непривычно пустая. Даже храп будущего – еще будущего, но уже неудавшегося, тут сомневаться не приходилось – экономиста не мог заполнить эту пустоту.

Юля бросила взгляд на Аленину кровать и поняла, что не так. Кровать оставалась такой же, как и вчера: аккуратно заправленной и не смятой. Алена не вернулась. Юля натянула штаны от спортивного костюма – двести рублей, неровные строчки и плохой материал, к которому прилипала любая пыль; привет родному ковельскому рынку: на центральной площади и, как всегда, по четвергам – подумала, стоит ли надевать куртку (груди так и торчат, натягивая белую простую футболку), потом решила, что общежитие все равно женское, и груди есть почти у всех. А кому не нравится – пусть завидуют!

Она взяла зубную щетку, пасту, мыло и полотенце и пошла в умывальник. Еще полчаса, и там будет очередь из сердитых, непричесанных, ненакрашенных, с ночным запахом изо рта девушек.

Она подумала, что институт брака сильно бы пострадал, если всех молодых людей, одержимых мыслью о женитьбе, приводить сюда на утреннюю экскурсию. Вечером девушки выглядят куда лучше; особенно при неярком свете. Недаром поздний вечер и темная ночь – время романтиков и влюбленных; время пылких признаний и бушующих страстей. Лунный свет и дрожащий огонек свечи сильно способствуют любви.

Помнится, высокий ординатор на ночные свидания тоже приносил с собой свечи. Правда, они не горели; их приходилось засовывать кое-куда. Но любви они, конечно, способствовали; во всяком случае, так считал ординатор. До того момента, пока не попалась негодная; давшая

осечку, как холостой патрон. Сама ведь виновата: знала, что высоким ординаторам доверять нельзя. А уж свечам – тем более.

Юля усмехнулась. "Хорошо, что... Да ничего не хорошо!". Она решительно зашагала по коридору.

В умывальнике почти никого не было. Два ряда раковин вдоль противоположных стен; облупившаяся эмаль, краники открываются с трудом, вода ржавая и течет тонкой струйкой. Но ведь и этого могло не быть. Хорошо!

Юля открыла кран и плеснула водой на лицо.

Она умывалась и прислушивалась к разговору двух девушек, стоявших у окна. Девушки курили и стряхивали пепел в обрезанные алюминиевые банки, служившие пепельницами.

– Такая тихоня! Я бы ни за что не подумала. А все строила из себя: "Спасибо-пожалуйста! Будьте добры!", – говорила одна: высокая, с желтыми крашеными волосами и пробивавшейся чернотой у корней. – В столовой всегда ложку и вилку протирала носовым платочком. За хлеб – двумя пальчиками, а за аппарат, небось, – двумя руками!

Раздалось громкое переливистое ржание.

– Ну что ты хочешь – она же из Медыни, – давясь от смеха табачным дымом, отвечала вторая – изогнутая на манер вопросительного знака и с коротким ежиком на голове.

– А говорила, что никого здесь не знает! – восклицала первая. "Тетя-лошадь", – так ее окрестила про себя Юля.

– Ну, теперь-то уж знает! И, наверное, неплохо знает, – со значением роняла вторая.

– И кто на нее позарился? – негодовала "тетя-лошадь". – Маленькая, страшненькая, с этим дурацким "карэ"...

– Извращенцев полно! – успокаивала ее сутулая. Там, где у Юли футболка натягивалась, у нее висела, как белье на веревке.

"Наверное, она считает извращенцами всех, кому нравится красивая грудь, – ехидно подумала Юля. – Тогда ты близка к истине, подруга: таких действительно полно. Пруд пруди. Выйди я сейчас на улицу – и все бы оборачивались. А от тебя – отворачиваются".

– И имя-то дурацкое – Эльвира! – ставила точку "тетя-лошадь": по ее мнению, у девушки с таким именем не было никаких шансов.

"Интересно, а как тебя зовут? Фру-фру? Или Зорька?"

– Да, – сутулая согласно кивала; добавить ей было нечего. – Сдала два экзамена и загуляла. Это если сейчас она не приходит ночевать, что же будет дальше?

Юля прислушалась. Руки ее дрогнули, и белая полоска зубной пасты упала на кафельный пол.

"Кажется, она сказала, что девушка по имени Эльвира не пришла ночевать?"

– А что дальше? Карусель! Эльвира-карусель! Любит пройтись за ночь по всем кроватям, – "тетя-лошадь" запрокинула голову и громко захохотала, дергаясь большим бесформенным телом.

Юля отложила щетку на край раковины и направилась к ним.

"Тетя-лошадь" смотрела на нее свысока, а сутулая щурилась, как старуха Шапокляк из мультфильма.

– Девочки! – Юля вдруг смутилась: такое обращение показалось ей несколько неуместным. – Вы сказали, кто-то не вернулся ночевать? Да?

Сутулая выпустила дым в потолок.

– Ну, и дальше что?

– Нет, ничего, – Юлин голос стал немного заискивающим; ей надо было преодолеть эту неприязнь; иначе она не узнает, что случилось. Она, даже не задумываясь, играла роль: всегда играла какую-то роль, причем именно ту, которую отводили ей окружающие. Наверное, поэтому она легко находила со всеми общий язык. Сейчас она была робкой сплетницей; вроде

и хочется узнать какую-то сальную штуку, и, вместе с тем, ей немного не по себе. – Просто... Как это так – не придти ночевать? А где же она была?

– А кто ее знает? – процедила сутулая. Первое впечатление оказалось обманчивым: в этой паре не "тетя-лошадь", но именно сутулая была прима-балериной.

Юля решила перейти в наступление на этом участке фронта. Она дала волю ковельским ужимкам и словечкам.

– Да-а-а... Небось, вырвалась из дома и решила тряхнуть бородой, – Юля подмигнула сутулой; та ощерилась в ответной улыбке желтые зубы. – У вас есть сигаретка? Оставила пачку в комнате, – она похлопала по карманам.

Сутулая достала пачку дешевеньких "Святой Георгий" (зато – "лайтс", как и положено курить девушкам, заботящимся о своем здоровье) и протянула Юле.

Юля поблагодарила, нагнулась над огоньком зажигалки, сверкнувшим в руках у "тети-лошади", затаилась, борясь с отвращением: она ненавидела курить натошак, но сейчас это было необходимо. Сутулая охотнее будет говорить с человеком, которого она облагодетельствовала.

– О-о! – Юля одобрительно поджала губы и покачала головой. Мол, хорошие сигареты, спасибо еще раз! Тысячу раз спасибо!

Сутулая усмехнулась: надменно и свысока – наверное, это должно было означать "дерьма не держим". Или что-нибудь в таком духе.

– Так, говорите, ночевать не пришла? Ишь ты...

– Ага! – подхватила "тетя-лошадь". – И кто бы мог подумать? С виду – такая тихоня... – видимо, ей не давал покоя тот факт, что не пришла ночевать девушка, от которой этого меньше всего ожидали. "Почему не я?" – так и мелькало в ее глазах.

– В тихом омуте черти водятся, – многозначительно сказала Юля, и сутулая веско припечатала:

– Это уж точно.

– Постойте, кажется, я знаю, о ком вы говорите. По-моему, мы с ней вместе подавали документы. Она такая... – Юля пощелкала пальцами, словно пыталась вспомнить.

– Да маленькая такая, худенькая. Черненькая с голубыми невинными глазками. Карэ почти до плеч. Ничего особенного, – теперь сутулая говорила с куда большей охотой.

– Да-да-да, – подхватила Юля. – А из какой она комнаты?

– Из нашей – триста четвертой, – ответила сутулая.

– Точно. Так и есть. Я сразу поняла, что она не такая уж невинная, как кажется на первый взгляд, – откровенная ложь; Юля ни разу не видела пропавшей девушки, но ведь ее соседки ожидали именно этих слов.

Сутулая закатила глаза, а "тетя-лошадь" снова задрожала от смеха, словно он тяжелым угловатым камнем бился где-то внутри нее и никак не мог найти лазейку, чтобы выскочить.

– Как вы говорите, ее зовут?

– Эльвира Латыпова, – сутулая сплюнула в ближнюю раковину. – Татарка какая-то. Из Медыни, одним словом.

Юля сокрушенно кивнула, будто тот факт, что неизвестная ей Эльвира была татаркой из Медыни, как нельзя лучше объяснял случившееся. Она поспешно выбросила недокуренную сигарету.

– Ой, ну ладно. Побегу. У меня завтра биология.

– Везет, – мрачно сказала сутулая. Юля не поняла, в чем именно заключалось ее везение: в том, что биология, или в том, что завтра. Как бы то ни было, выяснять не хотелось. Она схватила пасту и щетку, помахала рукой курящей парочке и побежала по коридору.

Это не было простым совпадением. За один вечер исчезли две девушки. Не пришли в общежитие ночевать. И хотя она не знала Эльвиру Латыпову, но в исчезновении Алены вино-

вато было отнюдь не амурное приключение. Это уж точно! Скорее всего, и Эльвира была такой же тихоней и скромницей, а вовсе не разбитной девицей, пустившейся во все тяжкие вдали от родительского дома. Юля была уверена в этом почти на сто процентов. Ну, на девяносто девять.

Сейчас она накинет куртку и пойдет к комендантше: надо принимать какие-то меры. И чем быстрее, тем лучше.

* * *

Комендантша, сухая строгая женщина с пучком оранжевых от некачественной краски волос, поджала тонкие сиреневые губы.

– А почему я знаю, куда они делись? Может, гуляют где-то?

– Нет. Они не могут гулять. Это хорошие, скромные девушки, – убеждала ее Юля.

– Ну да. С виду-то вы все – хорошие и скромные, – комендантша неприязненно посмотрела на Юлю.

– Нет, правда, они хорошие, – "не такие, как я", хотела добавить Юля, если бы это что-нибудь изменило. Но по глазам комендантши поняла, что это ничего не изменит.

– Может, у родственников остались? – не сдавалась комендантша.

– У них нет родственников в Александрийске, иначе они бы не жили в общежитии, – "в общежитии" прозвучало как "в этой вонючей дыре", и комендантша, похоже, догадалась. В глазах ее мелькнула россыпь злобных искр. – Алена просто пошла за хлебом и не вернулась. Все ее вещи, документы и деньги остались в комнате.

– Не надо лазить по чужим вещам, – глаза у комендантши сузились, а рот стал размером с булавочную головку. – Если что-нибудь пропадет, потом все претензии будут ко мне.

– Но... – Юля пожала плечами; она не ожидала этого удара. – Я ничего не брала. Я просто посмотрела.

– Хорошо, – мегера наконец смиростивилась над ней. – Возьми паспорт и пошли в милицию. Напишешь заявление.

– Заявление?

– Конечно. Ты же хочешь, чтобы их искали? А без заявления никто искать не будет.

– Ладно. Я сейчас.

Юля побежала в комнату за паспортом, но, пока она бегала, комендантша занялась подсчетом постельного белья, и визит в милицию пришлось отложить еще на два часа.

Юля терпеливо ходила за ней по пятам, чем вызывала у комендантши с трудом скрываемую злость. Когда розовые пятна у нее на скулах стали свекольного цвета, комендантша сняла черный рабочий халат и бросила:

– Ну! Давай быстрее! У меня полно дел помимо пропавших невест...

Юля не стала ничего говорить, опасаясь, что любое ее замечание может вызвать у комендантши новый взрыв возмущения. Она заискивающе улыбнулась: "Хорошо, хоть согласилась. Наверняка в милиции ее знают. Это добавит веса моим словам".

* * *

Против ожидания, в милиции ее словам значения не придали. И даже присутствие комендантши не сыграло никакой роли.

– Трое суток прошло? – спросил скучающий дежурный.

– Трое суток? Зачем? – удивилась Юля.

– С момента исчезновения должно пройти трое суток. Тогда человек будет считаться пропавшим.

В его словах крылся какой-то логический изъян. Ведь Алена и эта, вторая девочка, были пропавшими уже вчера вечером. Разве обязательно нужно ждать еще трое суток? Бред!

– Послушайте, – сказала она дежурному: полноватому мужчине в новом кителе с капитанскими погонами на плечах. – Эти девушки – отличницы. Они приехали поступать в университет. У Алены послезавтра экзамен по истории; она не могла никуда сбежать или скрыться.

– Все может быть, – философски ответил капитан.

– Да, но... Ее документы и вещи на месте. Они никуда не делись.

– Вот видите, – сказал капитан назидательным тоном. – Значит, вернется. Если все на месте – обязательно вернется.

В конце концов Юле наскучили эти препирательства: они с дежурным словно перебрасывались мячиком; но не успевала Юля сделать бросок, как мячик тут же возвращался к ней. С приветом от родной милиции.

– Скажите, могу я видеть начальника? – с вызовом спросила она. У комендантши лицо поползло куда-то вверх.

– По какому вопросу? – насторожился капитан.

– По тому же самому. Ну, может, еще по вопросу о бюрократических проволочках, о нежелании принять заявление от населения и так далее.

Дежурный поднял брови; он молчал несколько секунд, затем достал лист бумаги, ручку и протянул девушке.

– Пишите.

Юля отошла к обшарпанному столу, стоявшему у окна. Писать на твердой поверхности было непросто; в двух местах ручка порвала лист насквозь. Через десять минут она вернула его дежурному.

– Вот, пожалуйста.

– Хорошо. Можете идти.

Но Юля не тронулась с места.

– Разве вы не хотите зарегистрировать заявление?

Капитан налился пунцовой краской. Он с тоскливой злобой взглянул на комендантшу, но та лишь пожала плечами в ответ: мол, а что вы от меня хотите? Я-то здесь причем?

Дежурный открыл толстый журнал, написал в нем несколько строк, проставил время, затем расписался на заявлении.

– Все?

– Спасибо. Я зайду завтра, если вы не возражаете.

Это уже не имело значения: даже если бы капитан вздумал возражать, она бы все равно зашла. Это было ясно всем трем участникам пантомимы.

Дежурный склонил голову: "Буду рад придушить тебя собственными руками". Комендантша ошереилась: "Я же говорила, с этой девочкой надо держать ухо востро". Юля мило улыбнулась: "Пошевеливайся, дядя! Потряси немного жирами. Я ведь точно зайду, ты это знаешь".

Они поняли друг друга. На том и расстались.

Комендантша сказала Юле, едва они вышли из отделения милиции:

– А ты та еще штучка. Молодец, умеешь добиваться своего. Откуда ты знаешь, что заявление надо регистрировать?

– Где-то слышала, – уклончиво ответила Юля. В самом деле, не рассказывать же ей, что в родном Ковеле не раз приходилось заниматься подобными вещами.

– Хорошо. Если твои беглянки вдруг объявятся, не забудь, поставь меня в известность.

– Конечно, – "но они не объявятся", – это Юля знала почти наверняка.

Внезапно завтрашний экзамен по биологии отодвинулся куда-то на второй план; судьба Алены волновала ее куда больше. Она поняла, что не сможет долго усидеть на месте; ей надо было немедленно бежать, что-то делать, но не сидеть, сложа руки.

Юлю останавливало одно: куда бежать? Она не знала Александрийска и даже не могла представить, с чего начать поиски.

Юля в задумчивости замедлила шаг. Комендантша посмотрела на нее, но ничего не сказала; Юля увидела, как ее прямая, словно доска, спина поплыла обратно к общежитию. Наверное, пересчитывать белье.

И вдруг ее осенило. "Паша! Ну конечно, Паша Синицын!". Жизнерадостный болтун с конским хвостом, странствующий рыцарь и подпольный алкогольный магнат, – вот кто поможет ей. Его даже просить не придется: он сам загорится этой идеей. И не будет упрекать ее в излишнем паникерстве, если вдруг случится чудо, и Алена вернется.

"Паша!" – Юля свернула на соседнюю улицу и решительно зашагала к ларьку.

* * *

Евгений Стратонов сидел в своей каморке, больше напоминавшей одиночную камеру, чем кабинет, и откровенно скучал.

"Июль... Жара... Хорошо бы к морю. Плацкартный вагон, перестук колес, хлопающая дверь в конце коридора, запах туалета, усиливающийся после каждого хлопка, жареная курица с выдранными ногами, коричневая тушка завернута в мятую фольгу... Здравствуй, Крым! Прозрачная соленая вода, каменистое дно, медленно качающиеся в ленивом прибое водоросли... Кислое сухое вино, выбеленные домишки, скалы, склонившиеся над морем... Красота!".

Его ждали несколько мелких дел: обыкновенная текучка. У кого-то вскрыли машину и украли колонки. Ах ты, Господи! Колонки у них украли, скажите на милость. Ну и что? Где вы мне найдете эти несчастные колонки? Так нет же – кража. Извольте раскрывать.

Ну, еще нанесение тяжких телесных повреждений. Бывший зэк, весь синий от наколок, отмотавший по лагерям восемнадцать лет, требовал от отца своей сожительницы немного денег на опохмелку.

А тот не дал – самому не хватало. Пожадничал. Ну, вот и результат. Зэк настучал потенциальному тестю по репе, а потом еще и проломил череп... Э-э-э... Чем это он проломил ему череп?

Стратонов потянулся к картонной папке. "Гирей от часов с кукушкой...". Господи! И эти люди, вешающие на стену часы с кукушкой, не дают ему поехать в Крым!

А когда еще ехать, если не сейчас? В декабре? В декабре лучше в тайгу, к медведям. А в Крым надо ехать летом, это и дураку понятно.

Но начальник никак не подписывает заявление об отпуске, ссылаясь на служебную необходимость. Необходимость – это значит, кто-то должен заниматься скучной изматывающей текучкой.

Ну, а кому еще ею заниматься, кроме как молодому оперу двадцати шести лет, у которого, по образному выражению начальника, "еще задница от студенческой скамьи плоская"? Вот станет мозолистая и круглая, тогда – извольте в Крым.

Селектор на столе замигал желтым огоньком. Стратонов нажал кнопку, и сквозь треск статических помех, аки Глас Господен в ореоле синих молний, возник голос начальника:

– Стратонов! Зайди ко мне!

Не отпуская кнопку, он нагнулся к селектору и, дурачась, левой рукой отдал честь:

– Слушаюсь!

Он убрал дела в сейф, запер дверь на ключ и по скрипучему полу, покрытому почерневшим ободраным линолеумом, поспешил на второй этаж.

"Никак подписал! Неужели я поеду в Крым?".

Он бегом преодолел два лестничных марша, лелея в душе смутную надежду на неожиданную милость судьбы: начальник наконец открутил колпачок своей знаменитой ручки с золотым пером и размашисто начеркал на его заявлении: "В приказ".

Стратонов робко постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, просунул голову:

– Разрешите, Валерий Иванович?

– Проходи.

В руке начальник держал какой-то листок, но это было не заявление об отпуске. Отнюдь. Огонек надежды, трепетавший в его душе, зачах и погас. Финита! Новое заявление от трудящихся. На, Женя, дерзай!

Валерий Иванович Блинников, начальник отделения милиции № 5 города Александрийска, в чьем ведении находилась также и территория университетского кампуса, положил лист на стол, прижал его тяжелыми красными руками, похожими на куски недоваренного мяса, и сцепил пальцы.

– Ну что, Евгений Александрович. Как работается?

Стратонов скорчил кислую мину, которая должна была означать "да так себе", и сказал преувеличенно бодро:

– Хорошо, Валерий Иванович! Четыре дела в производстве, по трем уже есть результаты. Сейчас заканчиваю четвертое, – "и в Крым!", – чуть было не вырвалось у него.

– Значит, справляешься, – мудрым начальственным голосом произнес Блинников. Стратонов полагал, что всех людей, пересаживающихся в кресла начальников, специально обучают этому мудрому спокойному голосу. "Всего десять занятий – и ваши подчиненные будут думать, что вам известно ЧТО-ТО, недоступное простым смертным". – Молодец! Тогда вот тебе еще работка! Лучше тебя ее никто не сделает. Загадочные исчезновения в стенах твоей, так сказать, альмы-матери, – и опять этот мудрый начальственный тон не дал Стратонову понять, шутит Блинников или же действительно не знает, как правильно будет по латыни "мать-кормилица". – Вот, ознакомься. Поступило сегодня утром. Пропали две девушки-абитуриентки, – Валерий Иванович подвинул листок: на двадцать сантиметров, не более. Стратонов подошел к столу и взял листок.

– Займись этим, – продолжал Блинников. – И лучше прямо сегодня. Что-то у меня дурное предчувствие.

Начальник отделения запустил указательный палец за воротник синей форменной рубашки, схваченный галстуком на резинке, и описал рукой длинную дугу. Стратонов заметил влажные круги под мышками Блинникова. Видимо, начальников не учат переносить жару. В этом они такие же люди, как и все остальные.

– Может, конечно, девчонки сами найдутся, – начальник вытащил из кармана большой клетчатый платок и протер им широкий багровый затылок. – Но, ты ведь знаешь, нам главное – вовремя прокукарекать, а там – хоть не рассветай. Понимаешь меня?

– Да.

– Не "да", а "так точно", – беззлобно поправил начальник.

– Так точно.

– Ну, вот и хорошо. Можешь идти. Будут результаты – доложишь.

– Есть! – ответил Стратонов. Начальник сидел, подставив лицо струе воздуха, разгоняемого вентилятором, и блаженно жмурился, как кот при виде сметаны. – Разрешите идти, Валерий Иванович?

– Иди, – выдохнул Блинников и с отвращением посмотрел на пачку сигарет, лежавшую перед ним. Видимо, в такую жару даже курить не хотелось.

Стратонов вышел и аккуратно прикрыл за собой дверь. Вопрос об отпуске так и остался нерешенным. И когда он решится – одному Богу известно. А, скорее всего, даже Он не знает: поди разбери, что творится в голове у Блинникова.

Евгений, держа заявление двумя пальцами, поплелся обратно в свою каморку.

Он сел, достал из сейфа графин с водой – в темноте она долго оставалась прохладной – напился пахнущей хлоркой воды и положил лист с заявлением перед собой.

"Так... Пропали... Из общежития № 4... Ага, ага... Девушки. Да-а-а... Ну и морока. Куда же они пропали?"

Стратонов машинально перевернул лист, словно ожидал, что на обратной стороне будет написан ответ. Но там было пусто. Только выдавленная шариковой ручкой бумага и в двух местах – сквозные дырки. Вряд ли это можно было назвать исчерпывающей информацией.

Стратонов наполнил стакан до половины, поставил локти на стол и принялся обмахиваться заявлением: вентилятора у него не было.

Ну что? С чего начать? Прежде всего – завести новую папку. Это раз. Второе. Что он успеет сделать сегодня? Он взглянул на часы: была половина третьего. Так. Он сходит в "четверку", поговорит с заявительницей, соберет максимум сведений о пропавших девушках, узнает, на какие факультеты они собирались поступать, и, наверное, успеет навеститься в деканат. Там он попросит адреса и фотографии пропавших, посмотрит их оценки, ну и все такое прочее – по ходу дела будет видно. Ну, и все, наверное. На сегодня-то. Вполне достаточно. А там, глядишь, они сами объявятся.

Стратонов переписал в блокнот данные заявительницы. "Рубцова Юлия Валентиновна. Комната № 315". Вот отсюда он и начнет.

Стратонов встал, взял легкую рубашку (хорошо, что он не начальник и не дежурный – не обязательно ходить на службу в форме) за пуговицу на животе и потряс, пытаясь охладить разгоряченное тело. Ему стало немного прохладнее.

Он положил заявление в сейф, придавил графином и закрыл тяжелую дверцу. Сунул ключи от сейфа в верхний ящик стола и вышел из каморки, радуясь возможности поработать "в поле", потому что сидеть в кабинете становилось невыносимо.

* * *

Юля зашла в знакомый ларек и обнаружила, что за прилавком стоит совсем другой, незнакомый ей, молодой человек. Он чем-то неуловимо напоминал Пашу – та же юношеская худоба, тот же озорной блеск в глазах, тот же оценивающий взгляд, – но все-таки это был не он.

– Здравствуйте, – сказала Юля.

Дверь была открыта настежь и подперта большим тяжелым камнем, поэтому колокольчик не зазвенел. Юля улыбнулась, встала на носочки и качнула его рукой. Раздался мелодичный звон.

– Привет! Чего желаете? Минеральная вода, сок, "Пепси", пиво, сигареты, марихуана, оружие, наркотики? У нас самый богатый ассортимент в городе, – гордо сказал парень.

– Я хотела бы видеть странствующего рыцаря Павла Синицына, – в тон ему ответила Юля.

– Странствует, – махнул рукой парень. – Поехал на рынок за товаром. Вообще-то, у него вечерняя смена: он заступает в шесть. А пока я за него. Могу я чем-нибудь помочь юной леди, одержимой жаждой знаний?

– С чего вы решили, что я ею одержима?

– Хм, – парень удивился. – Здесь все такие. Все хотят что-то узнать, поэтому и приезжают поступать в универ. На уборщицу из общежития вы не похожи, на певицу из варьете – тоже. Раньше я вас не видел; потому что, если бы видел, то запомнил. Стало быть... Абитура? Так ведь?

Юля улыбнулась. Сначала она хотела сказать, что она – прекрасная незнакомка, застигнутая в пути снежным бураном, но промолчала.

– Ну да.

– Постой, постой! – парень посмотрел на нее внимательнее. – Тебя зовут Юля?

– Да.

– У тебя завтра биология?

– Точно.

– А-а-а, понял. Мне Пашка про тебя говорил. Насчет экзамена не беспокойся – что-нибудь придумаем. Я, – он хитро подмигнул, – буду там дежурить. Следить за порядком. Чем смогу, помогу. Все будет нормально, не бойсь.

Юлю поразила такая оперативность. "Действительно, не соврал, – с приятным удивлением подумала она. – Пообещал первой встречной помочь, и вот поди ж ты – уже все схвачено".

Парень словно услышал ее мысли.

– Тут главное – грамотный подбор кадров. Если пустить дело на самотек – ну, то есть предоставить все решать деканату – в универ не поступит ни одна нормальная девушка. Глазу будет не на ком отдохнуть, – парень выделил голосом "глазу", но Юля подумала, что, наверное, он имел в виду что-то другое.

– У вас что – тайное общество?

– Почти. Что-то вроде рыцарского ордена: могущественного и глубоко законспирированного.

– Это на всех факультетах так, или только на медицинском?

– Ну, насколько мне известно, на физическом и на мехмате с девушками совсем туго.

Они там – на вес золота. Зато почти каждая к окончанию университета выходит замуж.

– Заманчивая перспектива.

– Конечно! Полное построение семейного счастья "под ключ", начиная с нулевого цикла.

Ладно, об этом пока еще рано говорить. Тебе зачем Пашка? Что-то срочное?

Юля снова вспомнила про Алену; голос ее стал грустным.

– Да. Возникла одна проблема.

– Тогда ты попала по адресу. Здесь решают все проблемы. Бюро добрых услуг, так сказать.

В чем дело?

Юля посмотрела на него оценивающе. Потом решила рассказать – хуже не будет.

– Понимаешь, соседка по комнате пропала.

– Ого! – парень присвистнул. – Тоже абитура? Тоже красавица?

– Да. Правда, она поступает на исторический...

– Не имеет значения. Никак, объявились конкуренты? – парень поднял брови. – Не потеряем. Ноги в таз с цементом, и – в Гудзон. А ты что думала? Монополия на красивых девушек должна быть только у нас!

– Все так, – Юля задумчиво покачала головой. – А сегодня я узнала, что еще одна девушка ушла и не вернулась.

– Дело принимает серьезный оборот. Я думаю, тебе надо дожидаться Пашку. Он должен приехать. Он собирался еще поесть перед ночным дежурством.

– Пообедать?

– Может, и позавтракать, а может, и поужинать. Мы не делаем таких тонких различий. Просто поесть. Завтракаешь, обедаешь или ужинаешь по расписанию. А ешь – когда хочется. Или – когда можется. Примерно так.

– Он скоро вернется?

– Не знаю. Ты лучше иди к себе. Готовься. А когда он приедет, я ему передам, что ты заходила. Какой у тебя номер комнаты?

– Триста пятнадцатый.

– Он зайдет. Иди пока, готовься к завтрашнему экзамену. Хотелось, чтобы ты хоть что-нибудь знала: ведь списывать тоже надо с умом.

– Конечно, – со вздохом ответила Юля.

– Иди, не волнуйся, – успокоил ее парень. – Разберемся.

Юля оглянулась, дотянулась до колокольчика и снова звякнула. Ей показалось, что на этот раз он прозвенел как-то тоскливо. Она улыбнулась парню и поплелась в общежитие.

Когда она подходила к "четверке", ее вдруг охватила робкая надежда: что, если Алена вернулась? Юля прибавила шаг.

В будочке никто не сидел. И холл тоже был пустой. Из-за приоткрытой двери с табличкой "Комендант общежития" доносились неясные обрывки разговора.

Юля проскользнула мимо двери и побежала вверх по лестнице. С трудом сдерживая нетерпение, она прошла по коридору и ворвалась в комнату.

Ксюша сидела на кровати, уткнувшись остановившимся взглядом в раскрытую книгу. Увидев Юлю, она обрадовалась:

– Ой, где ты была? – и, не дождавшись ответа, добавила. – Ты знаешь, а Алены так и нет. Я уже начинаю волноваться.

– Ох! – "поздно ты, милая, спохватилась. Я со вчерашнего вечера вся, как на иголках". Юля подошла к кровати и упала на нее пластом. Она отвернулась к стене и замолчала: говорить с Ксюшей не хотелось.

Видимо, Ксюша это поняла. Она больше не стала ни о чем спрашивать. Через несколько минут Юля услышала ее напряженное сопение. Ксюша вертелась, чесала в голове, сопела и что-то тихо бормотала себе под нос. Но Юля так и не услышала, чтобы она перевернула страницу.

* * *

– Вы к кому, молодой человек? – спросила Стратонова вахтерша: дородная тетка с малиновым румянцем на квадратных щеках.

– Я? К Юлии Рубцовой. Из триста пятнадцатой.

Тетка окинула его внимательным взглядом. Стратонов внутренне сжался. "Наверное, узнала меня. Прошло всего три года с тех пор, как я бегал к Наталье. Правда, я чаще лазил по пожарной лестнице. Но это осталось незамеченным: я ведь ни разу не попался".

Видимо, черты лица Стратонова показались тетке знакомыми. Она колебалась еще несколько секунд, и, желая отсечь ненужные вопросы, Стратонов сказал:

– Я из милиции. Оперуполномоченный Стратонов Евгений Александрович, – он опустил руку в нагрудный карман рубашки и вытащил красный уголок удостоверения.

Внутри тетки словно что-то щелкнуло. Она изменилась в лице, пытаясь натянуть на него подобие приветливой улыбки.

– А-а-а! Людмила Игнатьевна меня предупредила. Людмила Игнатьевна – это наш комендант, – пояснила она. – Проходите, пожалуйста.

– Спасибо!

Стратонов пересек холл, про себя отметив, что здесь все осталось по-прежнему: тот же продавленный диван, те же шаткие стулья и даже те же самые вечно засыхающие цветы в треснутых горшках.

Он размеренно поднялся на третий этаж, стараясь не потеть. Официальное лицо, обливающееся потом – это как-то неубедительно и жалко выглядит.

Он вошел в коридор третьего этажа. Стены были окрашены в нежно-голубой цвет.

Наталья жила тогда на четвертом, в четыреста шестой комнате. Он всегда пролетал третий этаж, не задумываясь и ничего вокруг не замечая. И только теперь обратил внимание, что на третьем и четвертом этажах стены были покрашены в разные цвета. На четвертом основным тоном был розовый.

"А на первом?" – попытался вспомнить он. Ведь он только что был там, неужели не вспомнит? В бледно-зеленый. Точно. Первый этаж – бледно-зеленый.

Интересно, зачем потребовалось красить разные этажи в разные цвета? Ну, только если кто-то путался в написании цифр, указанных на табличках: "1-ый этаж", "2-ой этаж", "3-ий этаж", и так далее.

Деталь. Мелочь. Но он не придавал ей значения. "Хорош оперативник, не придающий значения деталям", – подумал он и пообещал себе впредь быть внимательнее к мелочам.

Он нашел дверь с номером 315 и постучал. Негромко, но уверенно, чтобы у обитательниц комнаты не возникло никаких сомнений: их беспокоят вовсе не по пустякам.

– Да! Войдите! – послышалось из-за двери.

Стратонов вошел.

– Добрый день! Скажите, могу я видеть Рубцову Юлию... – он помедлил и сказал, – Валентиновну, – переводя взгляд с одной девушки на другую.

Одна была стройная, симпатичная, с заспанным (или заплаканным) лицом; другая, упитанная простушка, смотрела на него безо всякого выражения; примерно как чистильщик обуви смотрит на знак интеграла.

– Это я, – просто сказала симпатичная.

Стратонов улыбнулся и отвесил легкий поклон. Он покрутил головой, озираясь по сторонам, и девушка его поняла – показала на табурет, стоявший рядом со столом.

– Пожалуйста.

– Благодарю.

Стратонов сел, ощущая, как рубашка прилипла к вспотевшей спине: как он ни старался, а подъем на третий этаж сделал свое мокрое дело.

– У нас тут жарко, – оправдывающимся тоном сказала девушка.

– Да, я заметил, – натянуто улыбнулся Стратонов.

Повисла пауза. Пухлая девушка смотрела на него с нескрываемым интересом; словно он приготовился доставать из черного цилиндра лопающих кроликов.

– Я из милиции, – сказал Стратонов. Эти слова он говорил настолько часто, что перестал уже видеть в них какой-то смысл. – Оперуполномоченный Стратонов Евгений Александрович. Я буду заниматься вашим заявлением.

Юля сразу как-то подобралась; она взяла куртку от спортивного костюма, валявшуюся на кровати, и накинула на плечи.

– Да. Очень хорошо.

– Не могли бы вы поподробнее рассказать мне о том, что случилось? – Стратонов достал блокнот и приготовился записывать.

Сначала Юля говорила сбивчиво и путано. Время от времени она смотрела на толстушку, и та утвердительно кивала. Постепенно Юля успокоилась и смогла рассказать об исчезновении соседки довольно связно.

Стратонов поблагодарил ее, сказал, что заглянет еще в триста четвертую, где проживала Эльвира Латыпова, и попрощался.

Ему удалось боком дойти до двери – так, чтобы девушки не видели мокрую рубашку на спине. Затем он быстро прошмыгнул в коридор.

В триста четвертой его ожидал менее радушный прием. Однако он и не рассчитывал на гостеприимство.

Он быстро заполнял блокнот и украдкой смотрел на часы: надо еще успеть в деканат.

– Ну что ж, спасибо. Вы мне очень помогли.

Он вышел в коридор и внезапно поймал себя на мысли, что сейчас он уже не смущался своей потной спины. И дело было не в том, что она вдруг высохла – просто... Просто Юля Рубцова выглядела... Нет, наоборот. Он не хотел выглядеть перед ней...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.